

Изъ воспоминаній генераль-адъютанта адмирала Д. С. Арсеньева.

Май мѣсяць 1900 года.

Путешествіе съ Персидскимъ шахомъ по Россіи отъ Джульфы до Александрово.

25 Апрѣля, я имѣлъ счастье представиться Государю и получить отъ Его Величества словесныя инструкціи касательно сопровожденія Персидскаго шаха по Россіи на пути его поѣздки въ Контрэксвиль, такъ какъ здоровье Шаха на столько плохо, что требуетъ немедленнаго пользованія, до совершенія предполагаемыхъ визитовъ Европейскимъ дворамъ, которые шахъ намѣревался начать съ нашего двора. Государь, какъ всегда, принялъ меня очень милостиво и далъ мнѣ прочесть записку полковника Косаго夫скаго (нашей службы), который командовалъ шаховой казацкой бригадой, исполняющей въ Персіи обязанности нашей охранной команды и конвоя. Эта чрезвычайно интересная записка была мнѣ очень полезна для ознакомленія съ Персидскимъ дворомъ, его обычаями и составомъ и съ главными лицами, съ которыми мнѣ предстояло имѣть дѣло во время путешествія Шаха.

27-ое Апрѣля я выѣхалъ изъ Петербурга. У насъ въ домѣ въ это время была корь у всѣхъ дѣтей, и я въ послѣднее время былъ отъ нихъ отдѣленъ; старшій сынъ Сережа, за два дня до моего отъѣзда, вышелъ изъ карантина, и я былъ очень, очень радъ, что, въ мое отсутствіе, онъ уже могъ помогать матери во всѣхъ нашихъ дѣлахъ и утѣшать ее въ одиночествѣ, такъ какъ, по случаю кори въ домѣ, мы были въ карантинѣ и никого не видѣли.

Въ Москву я прибылъ 28 Апрѣля утромъ и по любезному приглашенію Великаго Князя Сергія Александровича остановился у него въ домѣ. Къ завтраку уже собрались, кромѣ лицъ двора и ихъ высо-

чествъ, многіе пріѣхавшіе изъ Петербурга ко дню рожденія великаго князя (29 Апрѣля): tous les fidèles, и между ними я былъ очень радъ увидѣть Николая Сергѣевича Мальцева. Великій князь Павелъ Александровичъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ то же утро, но съ другимъ поѣздомъ.

Завтракъ и сидѣнье послѣ него были очень веселы и задушевы. Это было какъ бы преддверіе празднованія рожденія Великаго Князя. Мнѣ всегда очень отрадно всякое пребываніе у Сергія Александровича, въ Москвѣ ли, или въ Ильинскомъ. И онъ и Великая Княгиня такъ всегда любезны и добры къ гостямъ, что никто не чувствуетъ никакого стѣсненія, и всѣ между тѣмъ такъ хорошо и близко знаютъ другъ друга, что нѣтъ никакой натянутости въ отношеніяхъ; но въ то же время, благодаря умѣнью Великаго Князя и такту Великой Княгини, всякій знаетъ свое мѣсто и всякій доволенъ своимъ положеніемъ. Это единственный дворъ въ своемъ родѣ. Тутъ всѣ были преисполнены почтенія и привязанности къ хозяйевамъ, и благорасположенія другъ къ другу, всѣ довольны своимъ положеніемъ, и всѣ чувствовали себя совершенно свободными; но эта свобода никогда не доводила до распущенности, и нравственная атмосфера этой среды всегда была чистая и спокойная.

Съ грустнымъ чувствомъ я простился съ Ихъ Высочествами, въ самый день рожденія Великаго Князя. Около 5 часовъ пополудни, я проѣхалъ по Курской желѣзной дорогѣ, въ вагонѣ, данномъ мнѣ княземъ Хилковымъ для пути отъ Петербурга до Баку и Акстафы, гдѣ кончалась тогда желѣзная дорога, въ направленіи къ Персіи, а изъ Акстафы до Персидской границы я долженъ былъ ѣхать 400 верстъ въ экипажѣ.

Въ Баку я подробно осмотрѣлъ всѣ отрасли нефтяного производства. Если запасы нефти, содержаціеся въ землѣ, не изсякнутъ (чего по сихъ поръ никто не можетъ сказать), то трудно себѣ и представить великую будущность, ожидающую Баку. Когда я впервые посѣтилъ Баку въ 1858 году, это былъ скучнѣйшій и бѣдный городокъ безъ всякой растительности и оживленія. Никто и не помышлялъ тогда о добываніи нефти, и только монастырь огнепоклонниковъ (которыхъ тогда оставалось всего четыре человѣка) съ своими вѣчно горящими огнями напоминалъ о присутствіи нефти, хотя въ отдаленной древности это добываніе было предметомъ здѣшной торговли. Теперь Баку огромный городъ съ 160,000 жителей; онъ напоминаетъ Одессу шестидесятихъ годовъ. Прекрасныя зданія, широкія улицы, даже публичный садъ, поддерживаемый съ большимъ усиліемъ постоянною поливкою, большіе

магазины, оживленная набережная на берегу Каспійскаго моря со множеством пароходныхъ пристаней. На рейдѣ большое оживленіе множество снующихъ во всѣ стороны пароходовъ, суда нашей флотилии на якорѣ. Мнѣ все это показалось такъ странно. Чтѣ было сномъ, прошедшее или настоящее?

Особенно замѣчательны всѣ заведенія Нобеля, ихъ можно назвать до нѣкоторой степени благодѣтелями города Баку. Они поставили нефтяное производство на правильную и широкую ногу, примѣнили къ нему всѣ употребляемые въ Америкѣ приемы, приладивъ ихъ къ здѣшнимъ особенностямъ и обстоятельствамъ. Нобели прекрасно содержатъ своихъ рабочихъ, устроили имъ хорошія помѣщенія, заботятся объ ихъ здоровьѣ, даже насадили для своихъ прикащиковъ и служащихъ сады, которые поливали сначала прѣсной водой, привозимую изъ Волги пароходами, возившими въ Царицынъ нефть. Теперь эти сады поливаютъ опрѣсненной морской водою, въ которую кладутъ тѣ соли, которыхъ не имѣется въ опрѣсненной водѣ и которыя необходимы для питанія растительности. Нобели же установили правильное распространеніе нефти въ разныхъ мѣстахъ Россіи и первые ввели въ употребленіе нефтяные вагоны и особо устроенные пароходы, въ которые нефть прямо накачивается. На Волгѣ главныя складочныя мѣста для нефти—Царицынъ и на Дону—Ростовъ; отсюда она развозится всюду и мало по малу вытѣсняетъ Американскую нефть, которая гораздо хуже и дороже Русской. Ростовъ-на-Дону тоже теперь обширный и торговый городъ, отчасти изъ за нефти. Нобели же начали выдѣлывать изъ нефти минеральное масло, продуктъ великой потребности для смазки машинъ и нынѣ вошедшій во всеобщее употребленіе, такъ какъ Американское минеральное масло изъ нефти совсѣмъ нехорошо, и всѣ предпочитаютъ Русское. Теперь уже всѣ пароходы на Волгѣ, Каспійскомъ морѣ, Азовскомъ и даже уже отчасти на Черномъ, топятся нефтью, и желѣзныя дороги Кавказа и Юга Россіи до Харькова тоже топятся нефтью, и это топливо такъ удобно и дешево, что, безъ сомнѣнія, оно распространится весьма быстро во всей Россіи и совершенно вытѣснитъ не только изъ Чернаго, но вѣроятно и изъ Средиземнаго моря каменный уголь. Изъ *Балахановъ* и *Сураханавъ* нефть въ желѣзныхъ трубахъ проведена въ такъ называемый *Черный Городъ* (близъ Баку), гдѣ она очищается, и въ очищенномъ видѣ она и есть *керосинъ*, а остатки, называемые *мазутомъ*, собираются въ огромныхъ бассейнахъ и составляютъ *топливо*.

Черный Городъ производитъ довольно тяжелое впечатлѣніе. Здѣсь вѣчно дымъ и смрадъ, особенно на заводахъ, гдѣ добываютъ минераль-

ное масло, вазелинъ и прочіе химическіе продукты, добываемые изъ нефти посредствомъ сѣрной кислоты, смѣсь которой съ нефтью производитъ чрезвычайно противный человѣческому обонянію запахъ. Даже рабочіе завязываютъ себѣ рты и носы, и этотъ запахъ до такой степени вѣдряется въ человѣка, что послѣ посѣщенія Чернаго Города я болѣе сутокъ его чувствовалъ, и все чтò я ѣлъ и пилъ казалось мнѣ было имъ пропитано и было мнѣ противно: и хлѣбъ, и масло, и мясо, и рыба, и фрукты, и вино, и вода, казалось мнѣ, отзывались керосиномъ.

Происхожденіе нефти—вопросъ до сихъ поръ неизслѣдованный; очевидно, она наполняетъ огромные подземные резервуары, которые тянутся отъ низовьевъ Кубани (близъ Азовскаго моря) вдоль всего хребта Кавказскихъ горъ; затѣмъ въ особенномъ обилии находится она на Апшеронскомъ полуостровѣ и, отъ Баку, идетъ черезъ Каспійское море, подводный кряжъ горъ, изъ которыхъ нефть появляется мѣстами на поверхности моря; и далѣе на Восточномъ берегу Каспійскаго моря тоже много нефти до Кизиль-Арвата, а также и на островахъ Каспійскаго моря, которые даже и называются *нефтяными*. Само собою разумѣется, что наша Закаспійская желѣзная дорога тоже и исключительно топится нефтью. Теперь желѣзная дорога изъ Россіи черезъ Ростовъ-на-Дону, на Петровскъ, Дербентъ, уже доходитъ до Баку, и оттуда на Тифлисъ и Батумъ. Благодаря этому, Баку становится великимъ торговымъ центромъ, и недалеко то время, что Баку переростетъ Тифлисъ; этотъ послѣдній всегда будетъ административнымъ и военнымъ центромъ Кавказа, но Баку очевидно—*великій базисъ встѣх нашихъ дѣйствій въ Закаспійской области, Персіи, а главное,—въ случаѣ похода на Индію, черезъ Мервъ, Гератъ и Кандачаръ*. Интересны Англійскія описанія Баку, особенно книга Марвина „the City of Eternal fire“, гдѣ ясно доказывается, какъ возможна и сбыточна и даже легка для Россіи подобная экспедиція и какъ невозможно Англійи ничѣмъ ей воспрепятствовать серьезно. Англійскіе авторы предвидятъ это какъ вещь неизбежную въ будущемъ, какъ катаклизмъ стихійный, который человѣческими усиліями устранить нельзя, и только самые благоразумные изъ нихъ желаютъ, чтобы это соприкосновеніе съ Индіей произошло не въ видѣ борьбы, а въ видѣ дружескаго сближенія на пользу человечества. Но Англія своими дѣйствіями этого дружескаго соприкосновенія не подготавливаетъ, и теперь уже очевидно, что возможность достигнуть Индіи для Русской арміи уже не праздная мечта, а грозная возможность, и *это великій козырь* данный Россіи Провидѣніемъ. Баку очевидно будетъ базисъ и великій отходный пунктъ.

Я выѣхалъ изъ Баку утромъ по желѣзной дорогѣ, которая почти все время идетъ вдоль Куры по довольно ровной мѣстности между Кавказскими горами и горами Малаго Кавказа; мѣстность очень красивая и растительность чудная, вездѣ гдѣ есть вода. Рано утромъ, 1-го Мая, мы прибыли въ Акстафу, откуда должно было начаться наше путешествіе въ экипажахъ до Персидской границы. Въ Акстафѣ меня ожидали флигель-адъютантъ полковникъ Живковичъ и подполковникъ Бельгардъ, назначенные вмѣстѣ со мною состоять при Персидскомъ шахѣ. Живковича я зналъ давно, но очень мало, а Бельгарда нѣтъ. Онъ началъ службу въ конной гвардіи, а потомъ былъ командированъ въ Персію для службы въ Персидской казачьей бригадѣ, въ которой, при покойномъ шахѣ еще, инструкторы, часть офицеровъ и начальникъ были Русскіе офицеры. Эта казачья бригада въ Тегеранѣ играетъ роль преторіанцевъ въ древнемъ Римѣ, и при воцареніи настоящаго Шаха она обезпечила не только порядокъ въ Тегеранѣ, но и самое восшествіе на престолъ Шаха совершилось совершенно благополучно, безъ кровопролитія и междоусобія, благодаря твердости и рѣшительности начальника бригады полковника Косаговскаго. Зато и Шахъ къ нему чрезвычайно благосклоненъ и осыпаетъ его различными знаками вниманія, орденами, чинами и т. д., такъ что въ Персидской арміи онъ чуть ли не фельдмаршалъ, хотя продолжаетъ состоять въ Русской арміи полковникомъ. Во время пребыванія Шаха въ Петербургѣ, въ Іюль 1900 года, полковникъ Косаговскій, по представленію военнаго министра (очень къ нему расположеннаго), произведенъ въ генералы съ оставленіемъ начальникомъ Персидской казачьей бригады. Но съ Косаговскимъ Бельгардъ не ужился, и Бельгардъ долженъ былъ уѣхать изъ Персіи; теперь онъ служитъ въ Бугскомъ драгунскомъ полку и, такъ какъ онъ очень хорошо научился говорить по персидски, то командующій Императорской Главной Квартирой баронъ Фредериксъ просилъ о назначеніи Бельгарда состоять при шахѣ Персидскомъ.

Отъ *Акстафы* до *Джувльфы*, на Персидской границѣ 280 верстъ, которыя мы сѣдлали въ экипажахъ на лошадяхъ, вездѣ уже заготовленныхъ для Шаха и его свиты. Миѣ дали теперь ландо, въ которомъ долженъ былъ ѣхать Шахъ, и я совершилъ это путешествіе очень удобно и пріятно. Погода была прекрасная, растительность въ полномъ блескѣ только что начинавшагося лѣта. Сирень, персиковыя, яблонныя, вишневыя и грушевыя деревья въ цвѣту, луга покрыты свѣжею травою и красными тюльпанами, были какъ коверъ, и самая мѣстность очень живописна. Мы ѣхали почти все время по долинамъ рѣкъ, сначала

Куры, потомъ Акстафинки, Арпачая и наконецъ Аракса. Долины эти, благодаря богатому и искусному орошенію, чрезвычайно плодородны и богаты, а съ обѣихъ сторонъ горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, очень живописны. Почтовые лошади на Кавказѣ превосходны: крѣпки, вѣрны на ногу и бѣгутъ быстро и долго. Мы дѣлали все время около 20 верстѣ въ часъ, и ямщики такъ опытны, что вовсе нечего было чего либо опасаться. Насъ везли съ большимъ почетомъ, съ конвоемъ мѣстной полиціи, и у каждаго экипажа, на козлахъ, былъ *кондукторъ*, какъ это обыкновенно дѣлается для путешественниковъ на Кавказѣ. Нашъ назывался Мамацъ, высокаго роста Грузинъ, похожій, какъ двѣ капли воды, на покойнаго адмирала Шестакова; онъ прекрасно зналъ всю дорогу, показывалъ намъ всѣ замѣчательные пункты, все объяснялъ и, словомъ, былъ живой Бедекеръ.

Къ вечеру мы взобрались на гребень Малыхъ Кавказскихъ горъ, на высоту 7000 футъ, и проѣхали вдоль озера Гокчи, находящагося на этой высотѣ; это огромный бассейнъ прѣсной воды въ 70 верстѣ длины и 20 ширины, очень глубокой и обильный рыбою. Мы ночевали, проѣхавъ озеро, въ Русскомъ селеніи *Еленовки*, но очень плохо: сдѣлалось холодно, сыро, темно, багажъ нашъ отсталъ, и большую часть ночи я провелъ на жесткой и пустой кровати, завернутый въ свою шинель.

Отъ Еленовки начинается спускъ въ Закавказье и, проѣхавъ Эривань, мы вскорѣ увидѣли гору *Араратъ*, которая очень красива и внушительна. Обыкновенно виденъ только Малый Араратъ, коническая гора, верхняя часть которой покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Большой Араратъ такой же, но гораздо выше. Видъ Арарата сопровождаетъ васъ почти до самой Персидской границы.

Проночевавъ въ *Нахичевани*, въ домъ, принадлежащемъ внуку Нахичеванскаго хана и носящему тоже названіе хана, мы прибыли 5-го Мая благополучно въ *Джульфу*, на берегу Аракса, въ 5-мъ часу дня, и узнали, что Шахъ въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра, прибылъ со своимъ отрядомъ и свитою въ Персидскую Джульфу, на другомъ берегу Аракса и противъ Русской Джульфы.

Меня помѣстили въ домъ начальника таможи, въ которомъ уже помѣстился генералъ Зеленой, присланный отъ имени главноначальствующаго на Кавказѣ, для привѣтствія Шаха. Въ этомъ же домѣ была большая столовая, въ которой Садразамъ, всѣ министры и сановники Персидскіе и наша свита должны были пить чай, завтракать и обѣдать.

Черезъ часъ ко мнѣ пріѣхалъ Персидскій посланникъ въ Россіи мирза Риза-Ханъ, котораго я зналъ еще въ Петербургѣ, и я черезъ него просилъ узнать у Шаха, когда Его Величеству будетъ угодно меня принять на Персидскомъ берегу.

Посланникъ возвратился черезъ часъ и увѣдомилъ меня, что Его Величество былъ очень доволенъ, что я прибылъ въ добромъ здоровьѣ, что самъ Шахъ здоровъ (о чемъ я, конечно, прежде всего спросилъ) и что онъ меня приметъ на другой день, въ 11 часовъ утра.

Затѣмъ я осмотрѣлъ помѣщеніе, приготовленное у насъ для Шаха, въ таможенномъ домѣ, на берегу Аракса. Это домъ въ 8 комнатъ; вездѣ ковры, очень приличная мебель, и вообще все устроено очень удобно и примѣнительно къ Персидскимъ обычаямъ. Кругомъ дома нѣсколько маленькихъ домиковъ для прислуги и большой крытый навѣсъ, гдѣ будетъ помѣщаться на ночь почетный карауль. Передъ домомъ веранда, и передъ ней площадка, откуда видъ на Араксъ и на противоположный берегъ.

Вслѣдствіе выпавшихъ въ послѣдніе дни обильныхъ дождей, Араксъ очень разлился и былъ въ это время также глубокъ, какъ Нева у дворцоваго моста. Посреди рѣки, предъ самой Джульфой, былъ довольно длинный плоскій островъ, раздѣлявшій рѣку на два русла. Между нашимъ берегомъ и островомъ было устроено два парома на канатахъ, а отъ острова до Персидскаго берега сообщеніе происходило на шлюпкахъ, но должно сказать, очень маленькихъ и самыхъ примитивныхъ; только у нашей таможни была шлюпка получше, въ родѣ рыбацкой, на которой могло помѣститься человѣкъ восемь.

На противоположномъ берегу, на равнинѣ, окаймленной полукружіемъ горъ, былъ расположенъ станъ Персидскаго Шаха. Самъ Шахъ и его ближайшая свита занимали два таможенныхъ дома, увѣшанные коврами и флагами, а семитысячный отрядъ войскъ, его сопровождавшій, расположился лагеремъ, занимавшимъ всю равнину. Между простыми бѣлыми палатками солдатъ возвышались высокія, круглыя палатки начальниковъ и, наконецъ, шаховыя высокія красныя палатки, окруженныя полотняными красными ширмами съ вышитыми на нихъ деревьями и разными украшеніями. Этотъ лагерь на берегу рѣки, среди горъ, былъ очень живописенъ; отсюда слышалась музыка, крики, блеяніе овецъ, постоянный шумъ и гулъ.

6-го Мая въ 10¹/₂ час. утра, одѣвшись въ парадную форму, я отправился на Персидскій берегъ. Меня сопровождали полковникъ

Живковичъ, Бельгардъ, ст. сов. Кохановскій и начальникъ Джульфинской таможни, какъ мѣстный начальникъ.

Г. Кохановскаго я засталъ уже вчера въ Джульфѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ очень много о немъ мнѣ говорилъ, какъ о великомъ экспертѣ по Персидскимъ дѣламъ и что было-бы очень желательно устроить, чтобы Шахъ пригласилъ Кохановскаго сопутствовать ему во время путешествія его величества по Европѣ, дабы слѣдить за Англійскими и прочими происками противъ Россіи. Кохановскій долгое время служилъ въ Тавризѣ, гдѣ Шахъ, будучи наслѣднымъ принцемъ, былъ тогда генераль-губернаторомъ и очень хорошо зналъ Кохановскаго, любилъ его. Онъ состязался съ нимъ усами, которые тогда у Кохановскаго были необычайной длины. Затѣмъ у Кохановскаго была тогда чудная собака „Угрюмъ“, которую теперешній Шахъ очень хотѣлъ имѣть, но Кохановскій собаки этой не далъ, а подарилъ принцу Мозаферъ-Эддину (т. е. теперешнему Шаху) другую собаку; однимъ словомъ, Кохановскій былъ тогда *persona grata* у Мозаферъ-Эддина, и это послужило причиной теперешняго его назначенія на время путешествія Шаха. Послѣ того Кохановскій былъ долго консуломъ въ Астрабадѣ, а теперь онъ служитъ чиновникомъ по дипломатической части у главнокомандующаго на Кавказѣ.

Г. Кохановскій явился ко мнѣ, какъ только я прибылъ въ Джульфу, и я просилъ его мнѣ рассказать все, что онъ успѣетъ о Шахѣ, о его свитѣ, о нашихъ отношеніяхъ въ Персіи, и рассказы Кохановскаго, въ высшей степени интересные, мнѣ были чрезвычайно полезны: ибо я, съ перваго своего шага, съ перваго знакомства съ Персидскими сановниками, уже могъ знать, кто сторонникъ Россіи и кто ей врагъ, а равно и отношенія всѣхъ этихъ лицъ между собою и въ особенности ихъ положенія при дворѣ Шаха.

Лишь только мы переѣхали на шлюпкѣ на Персидскій берегъ, войска, поставленныя шпалерами вдоль берега и отъ него по направленію къ дому, занимаемому Шахомъ, взяли на караулъ, и музыка заиграла „Боже Царя храни“, довольно схоже съ настоящимъ. У мѣста высадки стоялъ почетный караулъ изъ дивизіона Персидской казачьей бригады съ музыкой. Казаки эти одѣты совершенно какъ наши конвойные, только шапка у нихъ, какъ у всѣхъ Персіанъ, въ видѣ усеченнаго конуса, съ золотымъ изображеніемъ Льва и Солнца. Бельгардъ научилъ меня, какъ здороваться съ казаками, что я и сдѣлалъ; они мнѣ отвѣчали что-то очень громко. Исполнивъ все, что полагается при почетномъ караулѣ, я пошелъ далѣе къ дому Персидскаго Шаха, со-

провожаемый многими сановниками, пришедшими меня встрѣтить и въ предшествіи 20 скороходовъ, въ красныхъ съ серебромъ мундирахъ и съ громадными булавами.

Мундиры Персидскаго войска у каждаго полка совершенно различны и, имѣя покрой казакиновъ, во всемъ остальномъ въ высшей степени разнообразны; одинъ полкъ имѣеть мундиры похожіе на нашу золотую роту, другой похожій на Итальянскихъ стрѣлковъ, иной съ бранденбургими, какъ прежніе гусары и т. п. Такъ какъ всю ночь лиль дождь, то грязь была страшная по ступицу, и я былъ очень радъ, что меня повели подъ руки. У дверей шаховаго дома меня встрѣтили министры Шаха и ввели меня на маленькій дворикъ, гдѣ меня встрѣтилъ самъ *Садразамъ*.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ взаимныхъ представленій и разговоровъ съ главными сановниками Шаха, во время которыхъ намъ подали шербеты съ довольно грязнымъ льдомъ и угощали папиросоми, насъ провели по узкой каменной лѣстницѣ, по довольно грязному ковру, во второй этажъ, къ Шаху. Онъ стоялъ въ концѣ веранды (которую видно съ Русскаго берега), опершись на кресло. Шахъ былъ одѣтъ въ черный казакинъ, и на груди у него съ обѣихъ сторонъ было по пяти рядовъ крупныхъ брилліантовъ; тоже по три крупныхъ брилліанта на каждомъ погонѣ и на воротникѣ, по одному съ каждой стороны. На шеѣ у него былъ одѣтъ Русскій орелъ, осыпанный брилліантами на Андреевской лентѣ. Мы узнали впоследствии, что это особый знакъ отличія, или правильнѣе, орденъ, который наше правительство даетъ Персидскому наслѣднику и нѣкоторымъ принцамъ, потому что нельзя никому въ Персіи давать тотъ же орденъ, что Шаху и если ему даютъ Андрея, то его наслѣдникъ и подданные уже этого ордена получать не могутъ. На головѣ Шаха была обычная Персидская шапка съ перомъ и великолѣпной брилліантовой пряжкой.

Шахъ совершенно такой, какъ изображенъ на портретахъ; лицо у него задумчивое и очень доброе, улыбка пріятная, и вообще его физіономія, нѣсколько болѣзненная, очень симпатична.

Вправо отъ Шаха, но отступя нѣсколько шаговъ, стоялъ наслѣдный принцъ, лѣтъ 24-хъ. Въ его наружности не было ничего особеннаго. Онъ довольно толстый, апатичный, но впрочемъ о немъ судить трудно, ибо при Шахѣ всѣ дѣти его стараются какъ бы совершенно стираться и уничтожаться.

Кругомъ насъ стали всѣ сановники, а между Шахомъ и нами переводчикъ.

Когда меня назвали Шаху, то я привѣтствовалъ его отъ имени нашего Государя съ прїѣздомъ на Русскую границу и сказалъ, что Его Величество осчастливилъ меня порученіемъ сопровождать Его Величество Шаха во время проѣзда его по Россіи, что Государь приказалъ мнѣ узнать о его здоровьѣ и желаетъ ему добраго здоровья и счастливаго и прїятнаго путешествія по своимъ владѣніямъ, приказавъ мнѣ всячески заботиться о томъ, чтобы путешествіе было удобно и не утомительно для Его Величества.

Шахъ черезъ переводчика прежде всего спросилъ меня о здоровьѣ Государя; потомъ сказалъ, что онъ очень тронуть тѣмъ, что Государь прислалъ къ нему такую высокую и приближенную особу, какъ я, и потомъ спросилъ меня о моемъ здоровьѣ, и я благодарилъ его съ великими комплиментами за его ко мнѣ вниманіе.

Потомъ я просилъ позволенія представить Шаху лицъ моей свиты. и Шахъ у каждого спрашивалъ про его здоровье. Когда дошла очередь до Кохановскаго, то Шахъ сказалъ ему, что онъ очень радъ его опять увидѣть и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „Я Кохановскаго давно знаю; онъ былъ при мнѣ въ Тавризѣ, и у него были прекрасные усы“. На это я сказалъ, что Кохановскій рассказывалъ мнѣ, что у него были дѣйствительно очень большіе усы, но теперь усы у него хуже чѣмъ прежде, но что у Вашего Величества чудные усы, и я теперь убѣждаюсь, что это дѣйствительно справедливо. Эти слова произвели на Шаха самое прїятное впечатлѣніе. Онъ сказалъ: „Якши, якши (очень хорошо) и сталъ улыбаться, а потомъ сказалъ мнѣ, что, кромѣ того, что онъ очень тронуть, что Государь послалъ меня къ нему, но онъ еще видитъ, что я очень прекрасный человѣкъ, что я ему очень понравился и что онъ увѣренъ, что, благодаря мнѣ, его путешествіе будетъ очень хорошо.

Я ему отвѣчалъ благодарностью за его милостивыя слова и прибавилъ, что, кромѣ того почтенія, которое я чувствую къ его особѣ, я прошу позволенія сказать ему, что я вижу, что Его Величество имѣетъ лучшее качество въ монархѣ: высокую и добрую душу.

При этихъ словахъ лицо Шаха просіяло и приняло самое довольное выраженіе. Онъ, улыбаясь, очень меня благодарилъ, повторяя, что очень меня полюбилъ, что очень радъ, что я буду при немъ и что благодаренъ сердечно Государю за мое назначеніе и прочее. И съ этой минуты разговоръ принялъ самый пустой характеръ. Онъ слушалъ, что я говорилъ ему по французски, и только когда затруднялся въ прїисканіи выраженій, то обращался ко мнѣ черезъ переводчика

затѣмъ спрашивалъ о нашемъ путешествіи, о дорогѣ и разныхъ другихъ предметахъ и вообще былъ въ веселомъ расположеніи духа.

Его придворные кругомъ выражали почтительно свою радость и одобреніе улыбками, вздохами и потираніемъ рукъ, и аудіенція наша продолжалась около получаса. Мнѣ казалось, что уже пора ее кончать и, сдѣлавъ маленькую паузу, я спросилъ у Шаха, когда ему будетъ угодно назначить свой пріѣздъ на нашъ берегъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что хочетъ переѣхать въ тотъ же день, въ 5 часовъ вечера, и затѣмъ пробыть въ Русской Джульфѣ два дня, такъ чтобы ѣхать оттуда дальше утромъ 9-го Мая.

Потомъ онъ мнѣ показалъ на своего наслѣдника и назвалъ его. Меня тогда назвали наслѣднику, а я ему представлялъ лицъ моей свиты; онъ каждаго изъ нихъ спрашивалъ о здоровьѣ. Тѣмъ кончилась аудіенція, и мы, откланиваясь Шаху, пошли внизъ, сопровождаемые Садразамомъ и министрами. Внизу, насъ опять угощали шербетомъ и папиросами, но разговоры были уже гораздо болѣе оживленные и дружественные, и всѣ Персы выражали радость, что Шахъ былъ такъ веселъ и доволенъ и благодаренъ Государю за счастливый выборъ довѣреннаго лица для сопровожденія Шаха по Россіи, причемъ выражали свою радость и увѣренность, что все въ нашемъ путешествіи пойдетъ отлично и что путешествіе будетъ самое благополучное и пріятное.

Чтобы доѣхать до берега рѣки, мнѣ подвели лошадь, покрытую чепракомъ и богато осѣдланную и, когда я сѣлъ верхомъ, то ее повели подъ уздцы; скороходы опять шли впереди, сановники и свита меня провожали, полки держали на караулъ, музыка играла Русскій гимнъ, и мнѣ думалось, что это шествіе было въ родѣ шествія праведнаго Мардохея, ведомаго Аманомъ.

Вернувшись домой, я занялся приготовленіями къ пріему Шаха на нашемъ берегу. Путь для Шаха былъ устланъ коврами; отъ самой пристани до дома были разставлены солдаты пограничной стражи, а на площадкѣ передъ домомъ выстроился почетный караулъ съ музыкою отъ Кубанскаго Полтавскаго казачьяго полка.

Ровно въ 5 часовъ шахъ вышелъ изъ своего дома и сопровождаемый свитой пошелъ пѣшкомъ къ берегу. Весь отрядъ его войскъ былъ выстроенъ во фронтъ, заиграла музыка, стали палить изъ пушекъ, и воздухъ огласился восторженными криками Персовъ, провожавшихъ своего монарха.

Мы смотрѣли на все это съ своего берега. Наконецъ видимъ, что Шахъ и человѣкъ восемь ближайшихъ сановниковъ садятся на нарочно приготовленный Персами плотъ. Плотъ этотъ имѣлъ треугольную форму, съ перилами съ двухъ сторонъ. Его сначала потянули вверхъ по теченію на канатѣ, чтобы потомъ спускать его по теченію; но вдругъ мы съ ужасомъ увидѣли, что канатъ оборвался, и плотъ съ шахомъ быстро понесло по теченію внизъ, и два раза его повернуло. Я немедленно послалъ нашу шлюпку на помощь. Но къ счастью, еще до ея прихода, человѣкъ 50 Персовъ бросились въ воду, схватили плотъ и подтащили его благополучно къ Персидской сторонѣ острова, находящагося, какъ сказано выше, посрединѣ рѣки. Шахъ вышелъ на островъ, перешелъ его и сѣлъ на нашъ паромъ, который черезъ нѣсколько минутъ причалилъ благополучно къ Русскому берегу.

Здѣсь я его встрѣтилъ и опять привѣтствовалъ отъ имени Его Величества нашего Государя, и на этотъ разъ со вступленіемъ на Русскую землю и пожелалъ ему счастливаго путешествія и скорого и полного поправленія его здоровья. Шахъ благодарилъ очень любезно сказавъ, что, уже вступленіе на Русскую территорію, отзывается хорошо на его здоровьѣ. Затѣмъ его стали привѣтствовать ген. Зеленой отъ имени главно-начальствующаго на Кавказѣ; но рѣчь его становилась длинна, а Шахъ отъ эмоціи и жары мѣнялся въ лицѣ и министръ его двора уже поднесъ ему чайникъ съ холодной водой; такъ дѣлается всегда, чтобы предупредить обморокъ. Я дернулъ Зеленаго за полу мундира, шепнувъ ему: Желайте только здоровья и благополучія и кончайте. Рѣчь, къ счастью, прекратилась. Шахъ прошелъ мимо караула, и я отъ его имени здоровался съ карауломъ. Затѣмъ онъ принялъ представленіе всего начальства и вошелъ въ приготовленный для него домъ, который ему очень понравился. Онъ былъ очень доволенъ почетомъ и великолѣпіемъ встрѣчи и тотчасъ захотѣлъ телеграммой благодарить Государя за торжественный и сердечный пріемъ.

Затѣмъ я спросилъ, что ему угодно будетъ приказать, чаю или чего другого, онъ просилъ чаю, а обѣдъ назначилъ въ 9 часовъ; а я, оставивъ при домѣ, для переводовъ и распоряженій при Шахѣ, г. Кохановскаго, провелъ Садразама въ его комнаты, приготовленные въ томъ же домѣ съ Шахомъ и поручилъ флигель-адъютанту Живковичу и полковнику Бельгарду развести министровъ по приготовленнымъ для нихъ въ разныхъ домахъ квартирамъ.

Но тутъ оказалось, что министръ двора, съ разрѣшенія Садразама, предпочелъ занять комнату лакея Садразамова, лишь бы быть въ одномъ

домъ съ Шахомъ. Тоже сдѣлали и министръ почтъ и начальникъ охраны, которые и заняли часть комнатъ, назначенныхъ для лакеевъ Шаха. И потомъ это повторялось во все время путешествія, т. е. наиболѣе приближенные къ Шаху предпочитали имѣть хотя самое небольшое и скромное помѣщеніе, но какъ можно ближе къ Шаху, видя въ этомъ преимущество.

Шахъ провелъ остальную часть дня дома. Къ нему потомъ пріѣзжалъ его наслѣдный принцъ. Послѣ шахскаго обѣда въ 9 часовъ, мы устроили еще маленькое увеселеніе: играла музыка Полтавскаго казачьяго полка, очень хорошая, пѣли пѣсенники и плясали казаки. Шахъ былъ очень доволенъ. Онъ вышелъ на веранду, ему принесли кресло, онъ въ него усѣлся и очень любезно пригласилъ всѣхъ насъ подойти къ нему; много разговаривалъ, но ему не пришло и въ голову пригласить когонибудь сѣсть. Да и по Персидскому этикету никто изъ его подданныхъ не смѣетъ при немъ садиться, и когда министры ему дѣлаютъ доклады, то онъ сидитъ въ креслѣ, а они сидятъ на полу, поджавъ ноги, какъ портные. Постепенно, Шахъ, знакомясь съ Европейскими обычаями, понялъ, что надо Русскихъ сановниковъ просить сѣсть, и черезъ нѣсколько дней послѣ, когда я приходилъ къ нему, онъ меня всегда сажалъ, говоря очень любезно: *asseyez*.

Ночью шелъ сильный дождь, островъ на Араксѣ почти затопило и сообщеніе съ Персидскимъ берегомъ стало затруднительно, и я сталъ получать изъ Баку и Тифлиса весьма непріятныя извѣстія о порчѣ дорогъ. Оказалось, что отъ сильныхъ дождей и разлитія рѣкъ, желѣзная дорога, между Баку и Петровскомъ была во многихъ мѣстахъ размыта, что многіе мосты были повреждены и что большой мостъ на рѣкѣ Самурѣ совершенно разрушенъ, такъ что по дорогѣ отъ Баку до Петровска сообщеніе не могло быть восстановлено ранѣе двухъ недѣль. Равнымъ образомъ сильные дожди на Кавказѣ, если бы они продолжались, угрожали порчею Военно-грузинской дорогѣ.

Намъ оставалось одно: какъ нибудь добраться до Тифлиса, куда теперь и не предполагалось ѣхать, и оттуда ѣхать на Владикавказъ чрезъ Военно-грузинскую дорогу, если это будетъ возможно, а не то дожидаться въ Тифлисѣ, пока дожди прекратятся и поврежденія на Военно-грузинской дорогѣ будутъ исправлены.

Я такъ и рѣшился сдѣлать, и на слѣдующее утро доложилъ обо всемъ этомъ шаху и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Но намъ слѣдовало торопиться выѣхать изъ Джульфы, потому что рѣки Адолинъ-

чай и Нахичевань-чай начинали сильно разливаться, и переѣздъ черезъ нихъ въ бродъ становился опаснымъ и могъ бы даже сдѣлаться невозможнымъ, а въ Джульфѣ тоже пережить не приходилось, ибо тутъ нельзя было достать и продовольствія на нашу большую свиту. Джульфа мѣсто пустынное и въ степи песочной, ничего не произрастающей, и надо было ѣхать за 20 верстъ, чтобы доставать какую нибудь провизию. Но дождь лилъ цѣлыя сутки, и приходилось дожидаться хотя остановки его на нѣсколько часовъ, чтобы переѣхать черезъ названныя рѣчки. находящіяся на пути перваго перехода отъ Джульфы. Рѣшено было оставаться тутъ 7 и 8 Мая и выступить утромъ 9-го Мая.

Затѣмъ 7 и 8 Мая прошли въ Джульфѣ очень спокойно и благополучно. Шахъ чувствовалъ себя довольно хорошо; оказалось, что уже путешествіе изъ Тегерана до Джульфы, à petites joignées, длившееся 60 дней, принесло большую пользу его здоровью. Ему тяжело было только выносить большое утомленіе и духоту, въ нормальныхъ условіяхъ его обычнаго образа жизни онъ чувствовалъ себя довольно хорошо, имѣлъ прекрасный аппетитъ и отлично спалъ. Эти два дня онъ выходилъ изъ дома только на площадку передъ нимъ или на веранду, откуда былъ видъ на Араксъ, Персидскій берегъ и Шахскій станъ. Безпрестанно съ того берега и обратно ѣздили сановники, и видно было, что шахъ былъ занятъ окончаніемъ всѣхъ дѣлъ передъ отъѣздомъ въ Европу. Наслѣдный принцъ тоже проводилъ часть дня у отца, и даже одна изъ женъ шаха къ нему пріѣзжала и уѣхала утромъ 8-го числа обратно, горько рыдая; но лица ея никто не видѣлъ, такъ какъ Персіанки тщательно закрываютъ себѣ лица, гораздо больше и гораздо добросовѣстнѣе, чѣмъ Турецкія женщины. Я являлся къ шаху утромъ, освѣдомлялся о его здоровьѣ и сообщалъ ему новости о предстоящей дорогѣ, спрашивалъ, нѣтъ ли какихъ порученій и всякій разъ, когда онъ желалъ то или другое, то немедленно и дѣлалось; затѣмъ я заходилъ къ нему еще разъ во время дня, узнать не имѣетъ ли онъ какого нибудь вопроса или порученія, а вечеромъ, передъ верандой становилась музыка Кубанскаго полка и играла до тѣхъ поръ, пока онъ ложился спать; въ это же время пѣли пѣсенники и плясали казаки. Шаху очень нравились нѣкоторые напѣвы казацкихъ пѣсенъ и нѣкоторые пьесы оркестра, и онъ просилъ дать ему ноты, что я и исполнилъ. 7-го вечеромъ была иллюминація Персидскаго лагеря, а 8-го на островѣ, на рѣкѣ, былъ пущенъ фейерверкъ нами приготовленный и привезенный изъ Тифлиса, и шахъ остался имъ очень доволенъ и очень меня благодарилъ. Онъ наслаждался фейерверкомъ какъ дитя и, видя разсыпающіяся по воздуху разноцвѣтныя звѣзды ракетъ, говорилъ: „très joli, tres joli!“ или „très magnifique!“

8-го утромъ Персидскій лагерь былъ снятъ, отрядъ шаха тронулся въ обратный путь, и Персидскій берегъ опустѣлъ.

Въ эти дни мы ознакомились съ Персидскими министрами и всею шахскою свитой.

Почти всѣ они приходили утромъ въ столовую (рядомъ съ моимъ кабинетомъ) пить чай. Затѣмъ въ часть дня приходили всѣ завтракать, а въ 9 час. вечера—обѣдать. Обыкновенно я посылалъ доложить Садразаму, что обѣдъ готовъ; онъ скоро приходилъ ко мнѣ въ кабинетъ, гдѣ собирались и главные сановники и затѣмъ мы вмѣстѣ выходили въ столовую и садились кушать. Но тутъ съ перваго дня пошли исторіи, споры между Персами, кто долженъ сидѣть выше. Я поручилъ Кохановскому имъ сказать, что списокъ ихъ старшинства составленъ Садразамомъ и что потому они должны къ нему обращаться со своими претензіями, но что за столомъ такіе споры не будутъ допущены. Садразамъ имъ сказалъ по этому поводу нѣсколько словъ, и все успокоилось.

Однако споръ изъ за мѣстъ повторился и вечеромъ между посланникомъ и министромъ двора; правда, это дѣлалось шепотомъ, за нѣсколько минутъ до стола. Посланникъ увѣрялъ, что онъ, какъ пожалованный свѣтлѣйшій князь, долженъ сидѣть слѣва отъ меня, а министръ двора *Гаки-Мулъ-Мулъкъ* говорилъ, что этотъ титулъ свѣтлости не ставитъ посланника выше его; и, напротивъ, онъ министръ двора выше посланника; кончилось тѣмъ, что посланникъ ушелъ, говоря, что у него болитъ голова, а министръ двора сѣлъ подлѣ меня, такъ и удержалъ за собою это мѣсто во все время путешествія шаха по Россіи. Порядокъ затѣмъ установился такой: въ серединѣ сидѣлъ я, справа отъ меня Садразамъ, слѣва отъ меня министръ двора; напротивъ меня нашъ губернаторъ (Эриванской губ.) графъ Тизенгаузенъ, а затѣмъ его замѣнявшіе наши губернаторы; около губернатора, съ одной стороны, Персидскій посланникъ въ Петербургѣ *Риза-Ханъ*, а съ другой бывшій министръ финансовъ *Насръ-Эль-Мулъкъ*; затѣмъ всѣ остальные министры и сановники и между ними Русскіе, свита и приглашенные.

Но тѣмъ споры не ограничивались: свита раздѣлялась на двѣ категоріи, которыя не должны были обѣдать вмѣстѣ, а въ разныхъ комнатахъ, что и было сначала устроено; но между Персами пошли пререканія, кто въ 1 или во 2-й категоріи. Все это было мнѣ доложено до 1-го завтрака, и я по этому вопросу далъ ту же резолюцію, что и

по первому, и приказалъ объявить моимъ именемъ, что кто не хочетъ подчиняться, пусть кушаетъ гдѣ ему угодно. Все уладилось, но между собою Персы долго еще грызлись, какъ поспорившіе изъ за кости собаки, которыя, подравшись, продолжаютъ ворчать.

Но за всѣмъ тѣмъ, въ моемъ присутствіи и съ нами Русскими они были очень учтивы и даже почтительны и любезны.

Я считался такою высокою особою, что роль моя была очень легка. Я держалъ себя съ величавой вѣжливостью, т. е. съ большою простотою; былъ со всѣми очень учтивъ, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ снисходительности высшаго лица къ низшимъ, и моя вѣжливость и любезность (хотя совершенно естественныя) считались персами-великодушіемъ, которое ими очень цѣнилось. Въ очень скоромъ времени я сталъ между ними очень популяренъ, и они меня прозвали „Ангеломъ“, при всякомъ случаѣ выказывали свое расположеніе, почтеніе и благодарность, постоянно говорили мнѣ комплементы и одно слово „*l'amiral a ordonné!*“ было закономъ. Это было очень удачно, потому что Персидская свита состояла изъ 45 человѣкъ, не считая прислуги.

Русская свита была довольно хороша. Только въ первый день нашего пребыванія въ Джульфѣ оказалось, что инженерный полковникъ фонъ-дербъ-Нонне сдѣлалъ довольно плохо нужныя приготовления для Персидскихъ сановниковъ и Русскихъ размѣщенныхъ по домамъ: и кроватей не было достаточно, и утвари (т. е. рукомойниковъ и пр.). Я его позвалъ къ себѣ и, въ негодованіи, страшно его распекъ и сказалъ ему, что это безсовѣстное исполненіе возложеннаго на него порученія и что если онъ немедленно, откуда знаетъ, не поправитъ замѣченныхъ недостатковъ, я его отдамъ подъ судъ. Крики слышались изъ моего кабинета и разносились по всему дому. Всѣ узнали, что спокойный и, по видимому, добрый адмиралъ можетъ быть грознымъ, и этотъ инцидентъ принесъ свою пользу на все время нашей Персидской кампаніи, а самъ полковникъ фонъ-дербъ-Нонне былъ съ этой минуты неутомимо ревностенъ, и все устроилъ какъ слѣдуетъ.

Шахъ былъ все время ко мнѣ очень любезенъ и внимателенъ и между прочимъ, 7-го Мая, прислалъ ко мнѣ своего внука, старшаго сына наслѣднаго принца. Я очень жалѣлъ, что, не будучи объ этомъ предупрежденъ, не приготовилъ ему какого нибудь подарка. Вижу, ко мнѣ входитъ какой-то Татарченокъ лѣтъ семи со старикомъ, который мнѣ и объяснилъ, что онъ дядька Шаховскаго внука и что Шахъ его прислалъ ко мнѣ. Я его только могъ приласкать и сказать нѣсколько словъ, а вечеромъ благодарилъ Шаха за оказанное мнѣ вниманіе.

Первое и самое замѣчательное лицо при Шахской свитѣ былъ *Эминусь-Султанъ-Садразамъ*. Это дѣйствительно замѣчательный человекъ, твердаго и рѣшительнаго характера и хотя не получившій образованія и говорящій очень немного по Французски, но съ большой дозой здраваго разсудка и практическаго ума. При этомъ онъ человекъ положительно добраго сердца, прямой, хотя и не лишенный хитрости; но онъ не употребляетъ ее на зло, а только на свое огражденіе. При этомъ онъ, естественно, расположенъ прощать своимъ врагамъ и предпочитаетъ обращать ихъ въ своихъ приверженцевъ, что по моему гораздо вѣрнѣе, чѣмъ ихъ преслѣдовать: ибо если человека нельзя уничтожить, что и безчеловѣчно, то гораздо лучше помирить его съ собой. Конечно это не всегда удается: но еще хуже, если врагъ, котораго не уничтожили, при случаѣ, оперившись, начнетъ вамъ мстить. Садразамъ былъ нѣкогда первымъ красавцемъ при дворѣ Персидскомъ; отецъ его былъ также министромъ. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, первые шаги Эминусь-Султана на жизненномъ поприщѣ были быстрые, и скоро его умъ и твердость подняли его на высокія должности. Во время второго путешествія по Россіи покойнаго Шаха Насръ-Эдина, Эминусь-Султанъ уже былъ первымъ министромъ и въ слѣдъ затѣмъ сдѣланъ Садразамомъ. Въ то время и Шахъ и его Садразамъ придерживались Англии. Но подъ конецъ своего царствованія Насръ-Эдинъ прозрѣлъ, какъ вредно для Персіи Англійское преобладаніе. Англія держала Персію въ рукахъ, благодаря 16 милліонамъ данныхъ Персіи въ займы и за эти займы требовало себѣ все новыхъ и новыхъ привилегій, для Персіи неудобныхъ и, наконецъ, заняла Персидскую территорию въ Персидскомъ заливѣ. Въ это время Шахъ Насръ-Эдинъ былъ убитъ, и теперешній Шахъ Мозаферъ-Эдинъ, хотя окруженный людьми Англійской партіи, душою которой былъ его Англійскій докторъ Адкокъ (находящійся и теперь при Шахѣ), понималъ, что подчиненіе Англии весьма вредно и опасно, ибо разладъ съ Россіей могъ бы легко повести къ войнѣ, первымъ и быстрымъ результатомъ которой было бы покореніе и отпаденіе всей сѣверной половины Персіи и присоединеніе ея къ Россіи, а отъ Англии дѣйствительной помощи въ это время конечно бы не было. Вслѣдствіе этого Шахъ и Садразамъ стали сближаться съ Россіей и относиться къ Англии осторожно и сдержанно.

Но по непослѣдовательности, которая часто проявляется и не въ одной Персіи, Шахъ сталъ охладѣвать къ Садразаму. Приближенные Шаха, такъ называемые Тавризскіе любимцы, т. е. люди окружавшіе Шаха во время его пребыванія въ Тавризѣ, въ качествѣ генералъ-губернатора, и почти всѣ принадлежавшіе къ Англійской пар-

тія*) стали всячески клеветать на Садразама, увѣрять Шаха, что Садразамъ хвастается своими заслугами при воцареніи Шаха, своимъ на него вліяніемъ и, наконецъ, увѣрили слабохарактернаго Шаха въ томъ, что Садразамъ хочетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлаться Шахомъ.

Случай съ Русскими пушками привелъ къ окончательному паденію Садразама. Дѣло было въ томъ, что Государь Александръ III прислалъ Шаху въ подарокъ 4 орудія. Эти пушки предполагалось отдать въ казацкую бригаду, составлявшую охрану Шаха, и ею командовалъ Русскій полковникъ Косаговскій; у этой бригады уже было двѣ пушки. Но враги Садразама увѣрили Шаха, что было-бы опасно усиливать ее 4-мя пушками и эти 4-е пушки приказано было сдать прямо въ арсеналь, что было сдѣлано безъ всякой церемоніи, подобающей при приѣмѣ подарка отъ Русскаго Императора. Нашъ посланникъ въ Тегеранѣ былъ этимъ недоволенъ, и Садразамъ совѣтовалъ такъ не поступать, но на все это не обратили никакого вниманія. Послѣ Садразамъ три дня не являлся къ Шаху. Этимъ временемъ и воспользовались его враги и, на 4-й день Шахъ приказалъ Садразаму возвратити ему знаки своего сана и ѣхать въ ссылку въ городъ Кумъ. Было даже рѣшено на дорогѣ его убить или отравить. Но наше правительство, увѣдомленное обо всемъ этомъ нашимъ посланникомъ въ Тегеранѣ, прислало телеграмму, въ которой было сказано, что хотя Императоръ Россійскій и не вмѣшивается во внутреннія дѣла Персіи, однако заявляетъ что смерть Садразама, расположеннаго къ дружбѣ съ Россіей, была бы сочтена Россіей враждебнымъ дѣйствіемъ. Эта телеграмма спасла жизнь Садразаму, и онъ благополучно доѣхалъ до Кума, отдаленнаго города на Востокѣ Персіи, гдѣ онъ и поселился въ своемъ имѣніи и оставался тамъ два года.

Между тѣмъ дѣла управленія приходили въ разстройство, и Англійское вліяніе, даже противъ желаній Шаха, стало усиливаться. Персіи было необходимо сдѣлать новый заемъ, и Англія предлагала Персіи нѣсколько милліоновъ, но съ тѣмъ, чтобы Персидскія таможи были отданы въ управленіе Англіи, и чтобы таможенными доходами уплачивался постепенно Персидскій долгъ. Самыя условія займа, т. е. дисконтъ, были крайне обременительны для Персіи. Тутъ сторонники Садразама подняли голову, стали дѣйствовать въ его пользу и убѣдили

*) Все это относится ко времени—борьбы въ Персіи между вліяніемъ Россіи и Англіи,—совершенно прекратившейся со времени Англо-Русскаго соглашения, но тогда т. е. въ 1900 г. бывшей еще въ полной силѣ.

Шаха вызвать его из ссылки и вернуть ему управление, говоря, что онъ одинъ можетъ вывести Персію изъ крайне опаснаго положенія, т. е. освободить ее отъ Англійскаго гнета, грозящаго привести къ войнѣ съ Россіей, и обезпечить порядокъ внутренняго управленія странюю.

Садразамъ былъ вызванъ изъ ссылки и приглашенъ пріѣхать въ Тегеранъ. Шахъ принялъ его очень милостиво и совѣтовался съ нимъ о дѣлахъ, но назначенія ему не давалъ. Благодаря стараніямъ Эминусь-Султана было подготовлено соглашеніе съ Россіей, по которому Россія соглашалась дать Персіи въ займы 22 милліона рублей (это было сдѣлано по мысли нашего министра финансовъ Витте) съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ 16 Россія сама уплатить отъ имени Персіи Англійи, а 6 милліоновъ отдасть на руки персидскому правительству на государственныя потребности, *soit disant* но въ сущности на *menus plaisirs* Шаха и его двора. Дисконтъ и условія займа были умѣренныя и можно сказать, безкорыстныя.

А въ то же время Англія, чрезъ своего посланника, налегала на Персидское правительство для заключенія предлагаемаго ею займа. Произошла скандальная сцена: Англійскій посланникъ пріѣхалъ на торжественную аудіенцію, между тѣмъ какъ Шахъ полагалъ, что она будетъ частною и сталъ настаивать на подписаніи условія о займѣ, говоря, что если оно не будетъ подписано *туть-же*, то Англія возьметъ свои предложенія обратно. Шахъ обидѣлся и сказалъ, что никогда такъ не дѣлается, чтобы подпись его давалась бы въ такой обстановкѣ и что, за его нездоровьемъ, аудіенція отмѣняется.

Англійскій посланникъ Sir Diraud, въ бѣшенствѣ и смущеніи, поѣхалъ домой, а Шахъ поручилъ Садразаму увѣдомить посланника, что онъ самъ находитъ предложеніе Англійи неудобнымъ и невыгоднымъ для Персіи. Тогда Эминусь-Султанъ доложилъ Шаху, что онъ былъ счастливъ ему служить во всемъ этомъ дѣлѣ и устроить заемъ съ Россіей, но что онъ не имѣетъ никакого офиціальнаго званія, и потому невозможно ему вступать въ офиціальныя переговоры съ Англійскимъ посломъ, который прежде всего спросилъ-бы его, какія у него полномочія. Тогда Шахъ назначилъ его Садразамомъ, и съ этихъ поръ вліяніе его съ каждымъ днемъ возрастало и укрѣплялось, и теперь Садразамъ Эминусь-Султанъ при Шахѣ всемогущъ, къ великому прискорбію всѣхъ своихъ враговъ, до сихъ поръ окружающихъ Шаха и пользующихся близостью къ нему и его благорасположеніемъ. Съ этихъ же поръ политика Персіи окончательно опредѣлилась: полное довѣріе

къ Россіи и опирательство на нее въ увѣренности, что Россія всегда можетъ, когда захочетъ, принести Персіи великій вредъ отнятіемъ у нея всѣхъ сѣверныхъ провинцій, прежде чѣмъ Англія, если бы и захотѣла, могла бы сдѣлать что нибудь въ пользу Персіи. Шахъ и Садразамъ глубоко убѣждены, что Россія никакихъ завоевательныхъ намѣреній относительно Персіи не имѣетъ, что находить и для себя выгоднымъ жить съ Персіей въ полной дружбѣ и что Россія вообще самый лучшій и вѣрный и естественный союзникъ Персіи.

Все это мнѣ рассказывали Садразамъ, посланникъ Персидскій въ Петербургѣ Риза-Ханъ и г. Кохановскій, знатокъ Персидскихъ дѣлъ, который мнѣ и переводилъ почти всегда слова Садразама.

Главные противники Садразама между сопровождающими теперь Шаха были министръ двора *Гакимъ-Муль-Мулькъ*, бывшій министръ финансовъ *Насръ-Эль-Мулькъ* (который и подготовлялъ неудавшійся Англійскій заемъ), министръ почтъ *Везире Гумаюнъ*, очень ловкій и остроумный человекъ (къ сожалѣнію не говорящій на Европейскихъ языкахъ) и Англійскій докторъ *Адкокъ*, душа Англійской партіи; онъ уже 14 лѣтъ состоитъ при Шахѣ, который къ нему очень привыкъ, и Адкокъ имѣетъ на Шаха нѣкоторое вліяніе тѣмъ, что пугаетъ его преувеличеніемъ его болѣзненнаго состоянія и умѣлъ убѣдить Шаха въ томъ, что самая его жизнь и здоровье вполнѣ зависятъ отъ него, Адкока. Этотъ Адкокъ былъ главнымъ противникомъ желанію Шаха начать свое путешествіе по Европѣ визитомъ нашему Государю въ Петербургѣ, увѣряя Шаха, что у него болѣзнь сердца и что малѣйшее волненіе и утомленіе могутъ быть ему пагубны; онъ же былъ главнымъ партизаномъ путешествія по Россіи *инкогнито*, все подъ предлогомъ избѣжанія утомленія, но въ сущности для того, чтобы отсутствіе всякаго парада и торжествъ во время пути было-бы поводомъ говорить Шаху, непонимающему значенія *инкогнито*, что его принимаютъ въ Россіи безъ всякаго вниманія, что это плоды его Русской политики (все это было рассказано мнѣ Садразамомъ и подтверждено г. Кохановскимъ), и что наше правительство обращается съ нимъ, какъ съ подручникомъ, и трактуетъ его какъ Бухарскаго эмира, вассала Россіи. Къ счастью, Государю угодно было приказать принимать вездѣ Шаха со всякимъ почетомъ, избѣгая только утомленія, по возможности, при парадныхъ встрѣчахъ, чтд и было тщательно исполнено.

Я въ обращеніи своемъ съ Адкокомъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаю о его продѣлкахъ, и обращался съ нимъ очень вѣжливо и внимательно, какъ со всякимъ образованнымъ человекомъ, угощалъ его во

время завтраковъ и обѣдовъ сигарами, до которыхъ онъ большой охотникъ, и онъ былъ мною доволенъ. Я полагалъ, что хотя онъ и заклятый нашъ врагъ, но что если обращаться съ нимъ хорошо, его личныя впечатлѣнія будутъ въ нашу пользу, и маленькіе знаки вниманія ему дѣланные, лѣстя его самолюбію, приведутъ къ тому, что онъ не будетъ подбавлять яду оскорбленнаго сердца въ свои слова и его дѣйствія, и считая меня безвреднымъ, не постарается, во время путешествія, особенно энергично противъ меня и Россіи, вообще, интриговать. Это вполне оправдалось. Онъ былъ очень доволенъ путешествіемъ, обращеніемъ съ нимъ и полагалъ ненужнымъ энергично дѣйствовать на умъ Шаха. А между тѣмъ Шахъ, болѣе и болѣе сближаясь со мною, отчасти благодаря Кохановскому, котораго я очень обласкалъ и приблизилъ къ себѣ, былъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ по Россіи и начиналъ сердиться на тѣхъ изъ своихъ приближенныхъ, которые наговаривали на Россію; и почести, вниманіе и любезность ему оказываемыя, онъ принималъ съ большою благодарностью, какъ знакъ добрыхъ чувствъ къ нему нашего Государя и всѣхъ его подданныхъ. Въ Варшавѣ дѣло дошло до того, что однажды, передъ поѣздкою въ театръ, Шахъ пошелъ въ комнаты Садразама, чего никогда не дѣлалъ и тутъ при собраніи всей своей свиты сказалъ: „Что ему очень непріятны толки между его сановниками противъ путешествія по Россіи и политики Садразама и что онъ желаетъ, *чтобы впродолженіе этого не было*“. Всѣ притихли; два министра, наиболѣе виновные, тотчасъ-же заболѣли и два дня нигуда не показывались, выражая этимъ печаль отъ Шахскаго неудовольствія. Во время же дороги, на пути изъ Тифлиса до Варшавы, Шахъ, въ изъявленіе своего благоволенія Садразаму, подарилъ ему кашемировый халатъ „съ своего плеча“, а посланнику въ Россіи Риза-Хану пожаловалъ брилліантовые вензеля на эпюлеты.

Министръ двора Гахимъ-Муль-Мулькъ былъ прежде докторомъ Шаха. Кажется, онъ былъ ученикомъ извѣстнаго доктора Толозана (отличнаго Француза), который былъ долго докторомъ у покойнаго Шаха Насръ-Эдина и сопровождалъ его въ Россію. Гахимъ-Муль-Мулькъ тоже противникъ Садразама и, говорятъ, желаетъ занять его мѣсто; но онъ не имѣетъ ни большаго ума, ни талантовъ, ни сильнаго характера; онъ только ловкій придворный. Когда Садразамъ мнѣ его представилъ въ Джульфѣ, то сказалъ: „*il est comme mon frère*“; но это было сказано изъ политики и въ сущности Гахимъ-Муль-Мулькъ одинъ изъ наиболѣе опасныхъ враговъ Садразама, который однажды, говоря мнѣ о своихъ врагахъ, сказалъ: вѣроятно, во время нашей поѣздки, они всѣ перей-

дуть на мою сторону, увидѣвъ, что это имъ выгодноѣ, а кто будетъ очень идти противъ, я долженъ буду настоять, чтобы его удалили.

Знакомясь постепенно со всѣми партіями Персидскаго двора, съ ихъ взаимной борьбой и каверзами, я не могъ не думать, что тутъ нѣтъ никакой особенной разницы съ тѣмъ, что происходитъ и при всѣхъ Европейскихъ дворахъ.

9 Мая, въ 7 часовъ утра, всѣ 25 экипажей, составляющихъ поѣздъ Шаха и его свиты, стояли (запряженные каждый четверкою) на Джульфинской площади передъ домомъ, гдѣ жилъ Шахъ. Когда усадили всѣхъ министровъ и сановниковъ, что было нелегко устроить, ибо враждовавшіе не хотѣли ѣхать въ томъ же экипажѣ, я пошелъ доложить Шаху, что все готово къ отъѣзду. Онъ вскорѣ вышелъ и сѣлъ въ свое ландо, посадивъ на передокъ экипажа Садразама и начальника охраны Богадура. Этотъ послѣдній есть собственно главный тѣлохранитель Шаха, всегда спитъ въ его комнатѣ и никогда не покидаетъ Шаха. Затѣмъ для компаніи Шахъ сажаетъ къ себѣ по очереди то Садразама, то министра двора, или Везире-Гумаюна—это его любимые собесѣдники.

Поѣздъ тронулся при звукахъ Персидскаго гимна и крикахъ народа, собравшагося на площади. Впереди и съ боковъ Шахова ландо ѣхала сотня Кубанскаго казачьяго полка, которая смѣнялась на каждой станціи и такъ продолжалось во все время путешествія Шаха въ экипажахъ до Эривани, а оттуда другой казачій полкъ, которымъ командовалъ извѣстный Милашевичъ, мужъ Елены Строгановой, котораго я тутъ въ первый разъ и увидѣлъ.

Первый переходъ до Нахичевани, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, былъ довольно тяжелый; во первыхъ, потому, что отъ Джульфы до Нахичевани не шоссе, а грунтовая дорога, первая половина которой тянется по намокшимъ тогда пескамъ и грязь была большая; а во вторыхъ главное затрудненіе было отъ переѣзда въ бродъ двухъ рѣкъ Алинда-чай и Нахичеванъ-чай, очень сильно разлившихся. На той и другой рѣкѣ были собраны по 200 рабочихъ, которые за полчаса до проѣзда Шаха расчищали нѣсколько новыхъ протоковъ для рѣки; вода, устремившись въ нихъ, начинаетъ быстро спадать и покуда новая вода съ горъ не успѣетъ еще подойти, дѣлается мельче, и экипажи въ это время проѣзжаютъ безопасно. Трудно себѣ представить, какъ дѣйствительно вода быстро спадаетъ, благодаря наскоро прорытымъ русламъ. Мы проѣхали Алинда-чай совершенно благополучно, однако вода попала въ экипажи, но такъ какъ Шахъ ѣхалъ въ довольно высокомъ

ландо, дверцы котораго были плотно закрыты и что Шаха провезли черезъ рѣки очень быстро, вода въ ландо не попала.

Ближе къ Нахичевани, переѣздъ черезъ рѣку Нахичевань-чай былъ гораздо серьезнѣе; но и здѣсь, благодаря разлитію руслъ передъ самымъ переѣздомъ, воды въ рѣкѣ было только на одинъ аршинъ высоты. Впереди поѣхала коляска съ инженернымъ полковникомъ фонъ-дерь-Нонне; рѣка шириною съ Мойку, бушевала страшно. Вдругъ мы видимъ, что коляску какъ-то подняло и затѣмъ опрокинуло. Казаки вытащили фонъ-дерь-Нонне изъ коляски и перенесли его на рукахъ на противоположный берегъ, а коляску течение понесло внизъ. Оказалось, что коляска наѣхала на коршъ (дерево лежащее на днѣ); коршъ этотъ сейчасъ же вынули; казаки, изслѣдовавъ бродъ, сошли съ лошадей, и когда экипажъ Шаха помчался по рѣкѣ, казаки бѣжали и подталкивали экипажъ, который переѣхалъ на противоположный берегъ вполне благополучно; также проѣхали и всѣ слѣдующіе экипажи, но вода въ нихъ проникала, и надо было поднимать ноги. Это происходило 9-ю Мая, и я усердно благодарилъ Николая Чудотворца за Его покровительство. Послѣ насъ вода стала опять прибывать, и послѣдніе экипажи нашего огромнаго поѣзда проѣхали черезъ Нахичевань-чай съ большими затрудненіями и еще болѣе сильными ощущеніями.

Такъ какъ населеніе Нахичеванскаго уѣзда и Эриванской губерніи состоитъ преимущественно изъ Персовъ, то, подѣзжая къ Нахичевани, мы были окружены множествомъ народа и всадниковъ, пріѣхавшихъ почтить Персидскаго Шаха и при проѣздѣ Шахова экипажа, многіе Персы рѣзали по дорогѣ въ честь Шаха барановъ, что было очень непріятно видѣть. Мы не мѣшали толпѣ ѣхать въ слѣдъ за нами или бѣжать, только конвой не допускалъ никого между экипажами поѣзда; Шахъ же былъ очень тронутъ такимъ пріемомъ населенія. На пригоркахъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, стояли персіанки, покрытыя чадрами, окутанныя съ головы до ногъ, что придавало имъ очень таинственный и живописный видъ.

Въ Нахичевани Шахъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ и городскими властями, поднесшими ему хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Шаху былъ приготовленъ домъ Хана Нахичеванскаго, служащаго въ л.-гв. конномъ полку. Домъ былъ красиво и богато убранъ и очень понравился Шаху. На верандѣ этого дома, выходящей на садъ, былъ приготовленъ завтракъ для свиты Шаха; тамъ же вечеромъ мы и обѣдали. Самъ-же Шахъ, по обыкновенію, обѣдалъ въ комнатахъ одинъ, но во время нашего обѣда и завтрака онъ въ окно смотрѣлъ на насъ

и наше яденье съ большимъ любопытствомъ. Передъ домомъ играли до вечера попеременно два оркестра военной музыки.

Меня помѣстили въ домъ брата Нахичеванскаго хана и его другого брата, Нахичеванскаго городского головы; они всѣ трое именуются ханами Нахичеванскими и всѣ очень милые люди. Кажется, они продолжаютъ владѣть большею частью имѣній Нахичеванскихъ хановъ, которые за отчужденныя имѣнія получили отъ нашего правительства денежное вознагражденіе. Домъ, въ которомъ меня помѣстили, устроенъ въ восточномъ вкусѣ, съ прелестнымъ садикомъ и посреди него съ неизбѣжнымъ фонтаномъ, и тутъ же рядомъ древняя башня, покрытая Персидскими надписями и арабесками, изъ голубыхъ, бирюзоваго цвѣта, изразцовъ, что чрезвычайно красиво. Къ сожалѣнію, голубые изразцы отчасти выпали, и этотъ чудный памятникъ древне-персидскаго зодчества, какъ и почти всѣ памятники этой эпохи на Кавказѣ, постепенно приходитъ въ разрушеніе. Съ другой стороны дома веранда, откуда чудный видъ: вдали виденъ Араратъ и окружающая его цѣпь горъ; ближе широкое русло Аракса и богатая плодородная равнина, покрытая садами съ чудными деревьями и виноградниками, вѣроятно, не переводившимися здѣсь со временъ Ноя, могила котораго находится, по общепринятому здѣсь преданію, тутъ-же. Я ѣздилъ ее смотрѣть: это пещера, внутри оштукатуренная и выбѣленная, со столбомъ въ серединѣ, которымъ поддержанъ сводъ, и находящаяся въ высококомъ берегу, окаймляющемъ со стороны Нахичевани долину Аракса. Рядомъ съ могилою Ноя, Армянская церковь и кладбище. Я съ большимъ почтеніемъ посѣтилъ гробницу нашего общаго праотца и, такъ какъ старинныя и обще-принятыя преданія почти всегда справедливы, то и я преклонился предъ памятью праведнаго Ноя.

День прошелъ очень спокойно, Шахъ, по обыкновенію, никуда не выѣзжалъ, и мы наслаждались чудною погодою, сидя на верандѣ или въ нашихъ садахъ.

10 Мая. На другой день, 10 Мая, въ 7 часовъ утра, мы выѣхали изъ Нахичевани, сопровождаемые тѣми же почестями и толпою, что и наканунѣ.

Самый Нахичеванъ—небольшой восточный, довольно красивый городъ со множествомъ садовъ; рядомъ съ городомъ находятся развалины стараго города, совершенно разрушеннаго землетрясеніемъ, какъ говорить, въ XVII столѣтіи; теперь это рядъ ямъ и груды развалинъ, въ которыхъ всегда находятъ множество старинной домашней утвари

грубаго Китайскаго фарфора и иногда золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ украшеній.

Сегодня ѣхали все время очень живописными мѣстностями, долинами Аракса и его притоковъ. Множество селъ, садовъ, виноградниковъ и тополевыхъ рощъ; тополь служитъ здѣсь прекраснымъ строительнымъ матеріаломъ, благодаря прямизнѣ его стволовъ, и растетъ онъ очень быстро.

Мѣняли лошадей въ Буюкъ-Дуза, Киврочъ и Башнаруженъ, куда пріѣхали въ 3 часа и здѣсь завтракали, обѣдали и ночевали. Станціи и села на пути были украшены флагами и вывѣшенными коврами. Населеніе здѣсь состоитъ изъ Армянъ и Персовъ, которые выражали Шаху большое почтеніе. При перемѣнѣ лошадей, ученики Персидскихъ школъ собирались передъ домами, въ которыхъ останавливался Шахъ и пѣли ему по персидски разныя похвалы, привѣтствія и тексты изъ Корана; все это съ ужаснымъ крикомъ, безъ всякой уловимой мелодіи и въ носъ; но Шахъ былъ этимъ очень доволенъ, слушалъ эти привѣтствія и давалъ пѣвшимъ вездѣ деньги.

Вообще Персы, живущіе на Кавказѣ, очень радовались пріѣзду Шаха и своихъ единоплеменниковъ и гордились почестями, которыя ему воздавались, но безъ всякаго худого чувства къ Русскимъ. Напротивъ, они какъ бы радовались, что Русскіе оказывали Шаху столько почета и какъ бы были благодарны намъ за это; что было замѣтно по настроенію толпы.

Надо здѣсь сказать, что Закавказье, кромѣ своего Персидскаго населенія, переполнено приходящими изъ Персіи работниками. Въ Персіи, при общемъ застоѣ и отсутствіи всякой промышленности, простояющимъ нѣтъ никакихъ заработковъ, и населеніе сѣверныхъ провинцій Персіи уходитъ охотно въ Россію, на Кавказъ, гдѣ требуется постоянно много человѣческихъ рукъ для всякаго рода работъ. Разоренные поборами своего правительства, нищіе и голодные Персы очень довольны своею жизнью и заработками на Кавказѣ, и они блаженствуютъ и поправляются сравнительно съ своими соотечественниками, оставшимися дома, гдѣ бѣдность и притѣсненія такъ велики, что сѣверная Персія желала-бы принадлежать Россіи. Но естественно, что Персы, живущіе въ Россіи и наслаждающіеся спокойствіемъ и нѣкоторымъ благосостояніемъ, сочувствуютъ все-таки своей родинѣ, поправившись, получаютъ опять нѣкоторое къ ней тяготѣніе и съ этимъ чувствомъ надо будетъ всегда считаться. Между тѣмъ, знающіе хорошо

Персію, считаютъ, что сѣверная Персія очень желаетъ своего присоединенія къ Россіи; такъ много она страдаетъ отъ своего правительства. Полагаютъ, что появленіе нѣсколькихъ Русскихъ полковъ въ сѣверной Персіи было-бы достаточно для ея завоеванія.

Сегодня мы сдѣлали немного болѣе 60 верстъ, по прекрасному шоссе, но ѣхали тихо, потому что Шахъ боится скорой ѣзды.

На остановкахъ мы подходили къ Шаху, и я водворялъ его въ приготовленныя на станціяхъ комнаты; тутъ онъ пилъ чай или закусывалъ и потомъ часъ отдыхалъ, затѣмъ занять былъ своею дневною молитвою (намазъ) и ѣхалъ дальше. Онъ все время былъ веселъ и очень любилъ, когда я и Кохановскій къ нему приходили.

Шахъ всякій разъ меня задерживалъ; но признаюсь, что каждый разъ поговоривъ съ нимъ немного и устроивъ все нужное для его удобства, я подъ видомъ скромности уходилъ, но это мнѣ не всегда удавалось.

Въ Башнарушенѣ на ночлегъ Шаху, его ближайшей свитѣ и мнѣ былъ приготовленъ очень удобный домъ, стараніями мѣстныхъ властей и, послѣ прекрасной ночи, мы выѣхали дальше.

11-го Мая. 6 часовъ утра. Ночью шелъ опять дождь, но днемъ сегодня погода чудная и зелень рощей и садовъ, освѣженная дождемъ, была еще свѣжѣе и какъ бы зеленѣе. Мы сдѣлали сегодня въ четыре перегона 80 верстъ съ такими же остановками и такимъ же образомъ, какъ вчера. Шахъ сердился на Мамаца, сидѣвшаго на козлахъ его ландо, зачѣмъ онъ *недостаточно* запрещалъ ямщикамъ скоро ѣхать. А Мамацу дано было отъ меня приказаніе ѣхать 10 верстъ въ часъ, а когда Шахъ прикажетъ ѣхать тише, то сначала исполнять его приказаніе, но, спустя нѣсколько минутъ, опять постепенно доводить до начальной скорости т. е. 10 верстъ; но сегодня, видя, что и такая ѣзда Шаху непріятна, я приказалъ Мамацу ѣхать тише, такъ что въ Эривань мы пріѣхали только въ 6 часовъ вечера.

Въѣздъ Шаха въ Эривань былъ очень торжественъ: войска стояли шпалерами по пути Шаха, и у дома губернатора, приготовленнаго для Шаха, былъ почетный караулъ и всѣ военныя и гражданскія власти тутъ были собраны и представлены Шаху, который былъ очень утомленъ долгимъ для него переѣздомъ, и остальную часть дня провелъ дома. Музыка играла весь вечеръ передъ его домомъ, что онъ очень любитъ. Передъ губернаторскимъ домомъ прекрасный тѣнистый садъ былъ иллю-

минованъ фонарями очень красиво, и въ немъ былъ народный праздникъ, тѣмъ особенный, что разные цѣхи и отдѣльные кружки жителей (Армянь, Грузинъ и Персовъ), устроили себѣ отдѣльные пикники.

Каждое такое сборище отгораживало себѣ часть сада, и въ нихъ устроены были столы съ угощеніями, пѣвцами, музыкой и танцорами, гдѣ члены каждаго общества угощались и веселились. Это было очень оживленно и своеобразно.

Тѣмъ же вечеромъ я пошелъ въ садъ, думая посмотрѣть праздникъ незамѣченнымъ, но скоро меня узнали, стали угощать, кричать „ура“, и я насилу-насилу могъ оттуда уйти и скрыться у себя въ клубъ, гдѣ мнѣ было приготовлено помѣщеніе очень удобное.

На слѣдующее утро было назначено представленіе Армянскаго католикоса Персидскому Шаху, причемъ я рѣшился дать католикосу маленькій урокъ, такъ какъ Армянскій католикосъ ведетъ себя не совсѣмъ прямо относительно нашего правительства. Дѣйствуя очень осторожно и, по наружности, превольно, онъ разыгрываетъ роль Армянскаго царька, что при нынѣшнемъ положеніи Армянь въ Россіи, Турціи и Персіи не совсѣмъ удобно и при осложненіи вопроса можетъ быть не хорошо. Эриванскій губернаторъ графъ Тизенгаузенъ, сопровождавшій насъ отъ Джульфы, сказалъ мнѣ, что католикосъ прислалъ ему сказать, что онъ желаетъ представиться Шаху и что онъ для этого пріѣхалъ изъ своей резиденціи въ Эчміадзинъ (въ 19 верстахъ отъ Эривани).

12 Мая утромъ. Въ назначенное время католикосъ пріѣхалъ ко мнѣ. Вижу я, сначала ѣдутъ два каваса съ большими булавами верхомъ, за ними въ коляскѣ два иподіакона, одинъ съ посохомъ, другой съ большимъ крестомъ, затѣмъ коляска съ двумя архимандритами, потомъ еще коляска съ двумя архіереями, потомъ экипажъ съ драгоманомъ и, наконецъ, въ каретѣ, запряженной 6-ю лошадьми съ форейторами, самъ его блаженство католикосъ.

Я встрѣтилъ его у крыльца, повелъ къ себѣ, угощалъ кофе и папиросами и потомъ, пѣшкомъ, пошелъ съ нимъ къ Шаху, домъ котораго былъ рядомъ съ клубомъ.

Шахъ принялъ его очень прилично, стоя, при всей своей свитѣ, спросилъ о здоровьѣ, выслушалъ привѣтствіе и на просьбу католикоса удостоить Эчміадзинъ своимъ посѣщеніемъ отвѣтилъ, что на обратномъ пути въ Персію, если его здоровье позволитъ, то посѣтитъ Эчміадзинъ,

и затѣмъ отпустилъ католикоса, который остался очень недоволенъ этимъ приѣмомъ, столь короткимъ и въ присутствіи моемъ, бывшихъ при мнѣ Русскихъ и всѣхъ Персидскихъ сановниковъ. Затѣмъ католикосъ посѣтилъ Садразама, жившаго въ томъ же домѣ, что и Шахъ, и уѣхалъ. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа Садразамъ и я, мы вмѣстѣ, отдали визитъ католикосу, который при встрѣчѣ и проходахъ соблюдалъ, сколько могъ, свое величіе. Меня увѣдомили, что онъ будто говорилъ, что пріѣхалъ ко мнѣ по ошибкѣ, думая ѣхать прямо къ Шаху; но его хитрость, чтобы обмануть Армянское Эриванское населеніе, не удалась; ибо я распорядился, чтобы въ тотъ-же день въ Эриванской газетѣ и въ телеграммахъ другимъ газетамъ, по всему Кавказу, было напечатано, что католикосъ посѣтилъ сначала генераль-адъютанта Арсеньева и имъ былъ представленъ Шаху. Всѣ Русскіе въ Эривани были этимъ очень довольны и, я полагаю, что исполнилъ только свой долгъ.

Скоро послѣ визита католикоса пронеслась надъ Эриванью страшная гроза съ градомъ; черезъ нѣсколько минутъ всѣ улицы были покрыты градомъ, какъ снѣгомъ, при чемъ градъ былъ такой крупный, какъ голубиное яйцо и такой плотный, какъ пули. Эта гроза принесла страшный вредъ всѣмъ плодовымъ деревьямъ, которыя въ это время были въ полномъ цвѣту. Шахъ сидѣлъ весь день дома въ комнатахъ или во внутреннемъ саду и очень благодумствовалъ; утромъ онъ ѣздилъ въ городскую восточную баню.

Затѣмъ я былъ у него нѣсколько разъ и разговаривалъ съ нимъ. Кохановскій, котораго онъ очень любитъ, тоже нѣсколько разъ у него сидѣлъ, а затѣмъ его министры и ближайшіе слуги. А тутъ завтракъ, отдыхъ послѣ него, вечеромъ обѣдъ, и день прошелъ очень приятно и какъ онъ любитъ.

Въ 8 часовъ вечера, передъ обѣдомъ Шаха, на площади была вечерняя зари, въ которой участвовали всѣ войска бывшія въ Эривани, почти дивизія, подъ начальствомъ князя Орбеліани (отца фрейлины Императрицы Александры Ѳеодоровны). Шахъ былъ въ восторгѣ отъ церемоніи зари и такого множества войска, дивился его бодрому виду, прекрасному обмундированію, стройности всѣхъ передвиженій и прекраснымъ равненіемъ. Въ дефиле послѣ зари участвовала и артиллерія съ пушками и, такъ какъ артиллерія любимое оружіе Шаха, то онъ очень восторгался и послѣ зари послалъ телеграмму Государю, въ которой еще разъ благодарилъ Его Величество за чудный приѣмъ въ Россіи и отзывался съ восторгомъ о прекрасномъ состояніи Русскаго войска.

Эривань довольно красивый городъ съ 30,000 жителей; это полурусскій, полу-восточный городъ, со множествомъ садовъ, но и довольно грязный; онъ расположенъ на рѣкѣ Занга, въ долинѣ у южнаго подножія Малаго Кавказа. Когда я подъѣзжалъ въ первый разъ къ Эривани съ Сѣвера, то, увидавъ городъ съ высоты горъ, по которымъ шла дорога, я тотчасъ же узналъ цитадель и городъ по сходству съ картиной въ одной изъ залъ Зимняго дворца, изображающей взятіе Эривани Паскевичемъ, и старшинъ города, приносящихъ ему ключи. Говорятъ, что императоръ Николай I-й, когда онъ посѣтилъ первый разъ Эривань, увидавъ ее съ высоты горъ, сказалъ: „Однако подвиги Ивана Федоровича здѣсь не особенно велики“. И дѣйствительно, нѣсколько пушекъ на горахъ, окружающихъ Эривань, могутъ его совершенно разрушить въ нѣсколько часовъ. Въ Эривани очень замѣчательна древняя мечеть въ серединѣ города съ чуднымъ внутреннимъ дворомъ, окруженнымъ вѣковыми деревьями. Въ цитадели находится тоже старинный дворецъ Эриванскихъ сардаровъ, т. е. собственно только одна зала съ прекрасными старинными окнами; въ нихъ рамы рѣзныя, и въ деревянныхъ узорахъ вставлены мелкія разноцвѣтныя стекла. Самая зала покрыта множествомъ маленькихъ зеркалъ подъ разными углами; она въ Арабскомъ стилѣ и въ стѣнѣ вставлены большіе портреты *al fresco* Персидскихъ Шаховъ и другихъ Персидскихъ историческихъ лицъ. Замѣчательна тутъ-же и мечеть съ куполами изъ эмалированныхъ кирпичей въ которыхъ преобладаетъ прелестный бирюзовый цвѣтъ. Но всѣ эти зданія содержались очень плохо и мало по малу приходятъ въ разрушеніе. Говорятъ, что въ этой дворцовой залѣ впервые, подъ руководствомъ Грибоѣдова, играли нѣсколько отрывковъ изъ „Горя отъ ума“.

13 Мая, утромъ въ 6 часовъ, мы выѣхали изъ Эривани. По выѣздѣ изъ города на обширной полянѣ двѣ стояція въ Эривани батареи сдѣлали для Шаха ученіе съ пальбою, чѣмъ онъ остался очень доволенъ.

Начиная отъ Эривани, путь идетъ постоянно въ гору, на протяженіи 50 верстъ, и къ обѣду мы добрались до селенія Еленовки, находящейся на высотѣ 7,000 футовъ, т. е. на возвышенномъ плато Малаго Кавказа; проѣхали благополучно мимо озера Гокчи, засвѣтло перевалили черезъ гребень Малаго Кавказа и спустились на сѣверный его скать; въ Джелейджанѣ, находящійся въ очень живописномъ ущельи, на высотѣ 3000 футъ, мы пріѣхали, уже когда стемнѣло. Тѣмъ не менѣе тутъ былъ почетный караулъ, и Шахъ, поздоровавшись

съ нимъ, пропустилъ его мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, потомъ вошелъ въ приготовленный ему отъ военнаго вѣдомства домъ, и скоро легъ спать, порядочно утомленный сегодняшнимъ 78-и верстнымъ переходомъ. Джелейджанъ очень красивая мѣстность, куда Эриванское общество пріѣзжаетъ на лѣтнее время на дачи.

14 Мая. Въ этотъ день мы сдѣлали 73 версты. Погода была прекрасная, и дорога очень живописная. Завтракали мы на станціи Караванъ-сарай, гдѣ для Шаха была приготовлена прекрасная палатка, великолѣпно убранная въ Персидскомъ вкусѣ, и онъ въ нее вошелъ съ большимъ удовольствіемъ, позавтракалъ и легъ отдыхать. Такъ какъ живущіе тутъ Персы стали толпиться вокругъ палатки Шаха, то ихъ разгоняли, въ чемъ принялъ участіе и губернаторъ графъ Тизенгаузенъ; увидавъ, что одинъ Персъ сталъ входить въ палатку Шаха, онъ принялся этого Перса тузить, но оказалось, что этотъ Персъ былъ одинъ изъ министровъ, котораго графъ не узналъ. Я потомъ старался быть очень любезнымъ и хотѣлъ объяснить ему поступокъ графа Тизенгаузена и извиниться передъ обиженнымъ; но когда я сталъ говорить съ нимъ и началъ съ путешествія вообще, онъ мнѣ сказалъ, что никогда не дѣлалъ еще такого пріятнаго путешествія. Послѣ этого я уже ничего ему не говорилъ.

Для свиты тутъ же на лугу была устроена большая палатка, и въ ней накрытъ большой столъ; все это было великолѣпно украшено гирляндами изъ цвѣтовъ, устлано коврами, и завтракъ превосходный. Тутъ-же играла музыка, пока Шахъ не легъ отдыхать. Окружающая долину мѣстность была очаровательна. Но вдругъ налетѣла туча, ударилъ громъ. Шахъ проснулся, и такъ какъ онъ очень боится грозы, то послалъ за мной и сталъ говорить: *partons, partons plus vite!* Черезъ $\frac{1}{2}$ часа мы поскакали дальше.

Передъ отъѣздомъ Шахъ очень благодарилъ Тизенгаузена и пожаловалъ ему ленту Льва и Солнца; здѣсь графъ насъ оставилъ, потому что, начиная со станціи Семеновки, которую мы проѣхали наканунѣ, тянется Елисаветпольская губернія, и губернаторъ генераль Кирѣевъ, встрѣтивъ Шаха на границѣ своей губерніи, сопровождалъ его до Акстафы, станціи желѣзной дороги (отъ Баку въ Тифлисъ и Батумъ), куда мы и прибыли благополучно въ 8 часовъ вечера.

Мы остановились у самой станціи желѣзной дороги, гдѣ Шаха ожидалъ приготовленный для него царскій поѣздъ Кавказской желѣзной дороги, присланный изъ Тифлиса; такъ какъ царскій поѣздъ, посланный

для Шаха изъ Петербурга за невозможностью везти Шаха черезъ Баку долженъ былъ встрѣтить Шаха только во Владикавказѣ, чтобы везти его до Варшавы. Шахъ никогда не видалъ такого чуднаго поѣзда; въ Персіи только одна желѣзная дорога въ 18 верстѣ отъ Тегерана до Могилы какого-то почитаемаго святого; Шахъ по ней ѣздилъ одинъ разъ; другихъ желѣзныхъ дорогъ въ Персіи нѣтъ. Его поразило большое число вагоновъ, предназначенное для его особы, богатство ихъ убранства и блескъ электрическаго освѣщенія. Шахъ очень довольный вошелъ въ салонный вагонъ, гдѣ ему былъ поданъ обѣдъ, во время котораго играла музыка, а потомъ сожженъ фейерверкъ закончившійся большой звѣздой, въ серединѣ которой красовался его портретъ; при этомъ былъ пущенъ дождь ракетъ, и музыка играла Персидскій гимнъ. Глядя на свое изображеніе, Шахъ улыбался и говорилъ: *tres ressemblant*. Признаюсь мнѣ стало легче на душѣ, когда мы достигли желѣзной дороги. Путь до Тифлиса отнынѣ былъ обезпеченъ. Если бы Военно-грузинская дорога и была бы испорчена, то въ Тифлисъ вполне спокойно и пріятно можно было-бы оставаться до ея исправленія.

Въ Акстафѣ встрѣтилъ Шаха Тифлисскій губернаторъ Свѣчинъ и нѣкоторыя другія власти и почетный караулъ. На правомъ флангѣ караула обыкновенно становилось начальство и по представленіи его Шаху, онъ говорилъ мнѣ: *Demandez comment santé!* Я имъ это переводилъ, и всѣ кланялись и благодарили. Затѣмъ Шахъ, показывая на караулъ, говорилъ опять: *demandez comment santé*. Тогда я кричалъ караулу: его величество Шахъ Персидскій говоритъ вамъ: „здорово, ребята“. Караулъ отвѣчалъ: Здравія желаемъ, ваше величество, и потомъ кричали ура, пока Шахъ проходилъ мимо фронта, въ увѣренности, что караулъ отвѣчалъ на его привѣтствіе. На лѣвомъ флангѣ Шахъ принималъ ординарцевъ, говоря каждому: *Comment santé?* Затѣмъ Шаха отводили на приготовленное мѣсто, и караулъ проходилъ мимо его церемониальнымъ маршемъ, причемъ я всегда проходилъ съ карауломъ мимо Шаха, и потомъ отъ имени его благодарилъ. Эта церемонія всегда была пріятна шаху.

15 Мая. Въ 7 часовъ утра поѣздъ тронулся, но черезъ нѣсколько минутъ Шахъ проситъ ѣхать тише и, такъ какъ путь былъ совершенно свободенъ, то просьба была его исполнена, и мы прибыли благополучно въ Тифлисъ, въ 10 часовъ утра при прекрасной, солнечной и жаркой погодѣ.

Въ дебаркадерѣ Шахъ былъ встрѣченъ генераломъ Фрезе, временно исполнявшимъ должность главноначальствующаго князя Голицына

(бывшаго въ это время въ Петербургѣ), всѣми начальствующими лицами военными и гражданскими и почетнымъ карауломъ. Послѣ представленій и обычныхъ: „*Comment santé*“, Шахъ сѣлъ въ коляску, пригласивъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ, а на передкѣ сѣли Садразамъ и генералъ Фрезе и, въ сопровожденіи сотни Кубанскихъ казаковъ, процессія тронулась. По улицамъ были разставлены шпалерами всѣ войска, бывшія въ это время въ Тифлисъ, всѣ учебныя заведенія, военныя и гражданскія; при этомъ меня поразило, что у всякой гимназій и реальнаго училища былъ свой оркестръ музыки, составленный изъ воспитанниковъ, и свое знамя, или правильнѣе свой значекъ. Улицы были полны народомъ, всѣ дома были украшены флагами и коврами, на многихъ мѣстахъ арки, украшенныя флагами, цвѣтами и неизбѣжными: Львомъ и Солнцемъ. Мы ѣхали, по желанію Шаха, очень тихо: „*roug voir la ville*“ говорилъ онъ, но въ сущности отъ того, что онъ боится скорой ѣзды. Этотъ триумфальный въездъ произвелъ на Шаха большое впечатлѣніе. Онъ не ожидалъ, чтобы Тифлисъ былъ такимъ большимъ городомъ, чтобы въ немъ было такъ много войска и былъ очень польщенъ приемомъ населенія, кричавшимъ ему, вмѣстѣ съ войсками по пути: ура.

Наконецъ мы подъѣхали ко двору главноначальствующаго, гдѣ былъ опять почетный караулъ, и ввели Шаха по прекрасной лѣстницѣ, уставленной апельсинными деревьями, въ цвѣту, въ его покои.

Шаху отвели комнаты, въ которыхъ останавливался нынѣшній Государь, будучи наслѣдникомъ. Это собственно бывшіе покои князя Барятинскаго, и надо сказать, прелестные: большой кабинетъ, окна и двери котораго съ двухъ противоположныхъ сторонъ выходятъ на два прелестныхъ двора съ большими тѣнистыми деревьями, множествомъ цвѣтовъ и фонтанами по срединѣ. За кабинетомъ идутъ внутреннія покои. *C'est tout-à-fait un petit coin de l'Alcazar ou de l'Alhambra*. И Шахъ проводилъ на одномъ изъ этихъ двориковъ (откуда былъ видъ на городъ) почти цѣлый день; ибо во время своего пребыванія въ Тифлисъ, т. е. трехъ дней, онъ выѣзжалъ только въ баню, въ ботаническій садъ и на ученіе Нижегородскаго драгунскаго полка, произведеннаго въ его честь за городомъ.

Вечеромъ перваго дня прибыванія въ Тифлисъ городъ былъ иллюминованъ, и площадь предъ дворцомъ представляла феерическое зрѣлище, вся, освѣщенная разноцвѣтными фонарями и транспарантами и вензелемъ шаха и „Львами съ Солнцемъ“. Предъ дворцомъ играла музыка, площадь была полна народомъ, и экипажи въ нѣсколько рядовъ ката-

лись предъ дворцомъ. Шахъ долго смотрѣлъ на это зрѣлище съ балкона, а потомъ и въ одной изъ залъ дворца. Пѣли и плясали казаки и играли баладаечники, которые очень пришлились Шаху по вкусу.

На слѣдующее утро Шахъ отправился въ Персидскую баню. Такъ какъ у Персовъ баня—вещь *секретная*, то ни я и никто изъ Русской свиты не поѣхали съ нимъ, но только его прислуга, и сопровождалъ Шаха Тифлисскій полиціймейстеръ.

Когда я передъ завтракомъ пришелъ къ Шаху по обычаю узнать о его здоровьѣ и о томъ, что на этотъ день онъ пожелаетъ приказать, Шахъ, выразивъ мнѣ свою благодарность за мои попеченія о немъ и труды во время путешествія отъ Джульфы до Тифлиса, пожаловалъ мнѣ собственноручно свой портретъ, украшенный брилліантами, для ношенія на шеѣ. Я благодарилъ, какъ слѣдуетъ, Шаха за его милость и, выходя отъ него по дорогѣ, принималъ поздравленія шаховыхъ сановниковъ. Портретъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе чрезвычайно великолѣпной и дорогой вещи и по виду напоминаетъ нѣсколько паннагію, самые же камни не брилліанты, а алмазы, т. е. тѣже брилліанты, но не отшлифованные по европейски многочисленными гранями, отчего брилліантъ хотя и больше, но не имѣетъ игры нашихъ брилліантовъ. Персы предпочитаютъ свою шлифовку, сохраняющую величину алмаза и всѣ носимые шахомъ брилліанты всегда алмазы.

Въ денные часы происходило представленіе властей, при чемъ Шаху называли главныхъ лицъ, а онъ огуломъ всѣхъ спрашивалъ про здоровье, но происходящая отъ такого большого сборища духота утомляла его.

Вечеромъ въ большой залъ дворца былъ парадный обѣдъ для шаховой свиты и всѣхъ Тифлисскихъ властей.

Послѣ обѣда Шахъ со мною, генераломъ Фрезе и Садразамомъ отправился въ театръ на парадный спектакль. За отсутствіемъ оперной труппы, давали „*Измаилъ*“; труппа была весьма порядочная, и постановка на сцену очень приличная. Къ сожалѣнію, Тифлисскій театръ некрасивъ и гораздо хуже прежняго, декорированнаго княземъ Григоріемъ Гагаринымъ въ восточномъ вкусѣ и очень мило. Шахъ, никогда не выѣзжавшій изъ Персіи, въ театрѣ еще до сего дня никогда не бывалъ и потому поѣхалъ туда съ большимъ любопытствомъ; но я думалъ, что онъ пробудетъ лишь одно дѣйствіе, чтобы только посмотреть, что такое театръ, а потомъ пріѣдетъ домой обѣдать (какъ всегда, въ 9 часовъ). Видъ залы, наполненной нарядной публикой и

властями въ мундирахъ, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Войдя, онъ сѣлъ; но я ему шепнулъ, что нельзя садиться, пока играютъ въ его честь Персидскій гимнъ; потомъ онъ всѣмъ поклонился и сѣлъ.

Желая, чтобы онъ понялъ что происходитъ на сценѣ, я просилъ его позволенія г. Кохановскому сѣсть немного сзади его (клиномъ) между Шахомъ и мною, чтобы переводить, и Кохановскій переводилъ такъ бѣгло и хорошо, что Шахъ все понималъ, въ высшей степени заинтересовался представленіемъ и остался до самаго конца. Когда происходила сцена ревности между Польской графиней и Русской дѣвицей изъ за любви къ молодому адъютанту Потемкина, то Шахъ слушалъ, слушалъ, а потомъ сказалъ мнѣ: „Pourquoi quereller? On peut vivre avec toutes les deux“. Въ антрактахъ онъ сидѣлъ въ фойе царской ложи и былъ очень веселъ. По окончаніи спектакля, коляску Шаха сопровождала сотня Кубанскихъ казаковъ съ факелами, что было очень красиво.

18 Мая. Утро Шаха было посвящено поѣздкѣ въ ботаническій садъ, который очень его интересовалъ; онъ обнаружилъ основательное знакомство съ ботаникой, останавливался передъ многими растеніями и просилъ прислать ему сѣмена многихъ деревьевъ и цвѣтовъ. Остальную часть дня онъ провелъ дома, слушалъ опять въ одной изъ залъ балалаечниковъ и разныхъ Персидскихъ пѣвцовъ, а послѣ полдня ѣздилъ по желѣзной дорогѣ за городъ смотрѣть ученіе Нижегородскаго драгунскаго полка, которое ему понравилось.

19 Мая утромъ въ 8 часовъ, мы должны были выѣхать изъ Тифлиса; но, когда я за $\frac{1}{2}$ часа да отъѣзда пришелъ къ Шаху, то оказалось, что онъ еще спитъ и что никто изъ приближенныхъ не смѣетъ его будить. Такъ какъ первую станцію отъ Тифлиса да Мцхета мы должны были сдѣлать по желѣзной дорогѣ и опаздывать много было нельзя, то я пошелъ къ Садразаму, который и рѣшился приказать будить своего владыку, что и было сдѣлано, но все таки мы опоздали на цѣлый часъ.

Шахъ выѣхалъ изъ Тифлиса съ тѣми же почестями, что и при въѣздѣ въ него, и былъ очень доволенъ своимъ трехдневнымъ пребываніемъ въ Тифлисъ, гдѣ ему было весело и гдѣ онъ очень хорошо отдохнулъ.

Я нашелъ, что Тифлисъ, съ перваго моего здѣсь пребыванія въ 1858 г., очень разросся; теперь въ немъ было 200,000 жителей; улицы Европейскаго квартала съ прекрасными большими домами, и

деревья и сады въ городѣ очень его украшаютъ, но мнѣ больше всего понравился народный кварталъ Армяно-грузинскій съ его базарами, лавченками и національными трактирами. Мы взошли съ губернаторомъ Свѣчинимъ въ одинъ изъ такихъ трактирчиковъ, такъ сказать, висящихъ надъ Курою, которая бурно стремится между скалистыми берегами, такъ что дѣлается даже страшно, и думается: а что если туда упадешь? Намъ подали національный завтракъ и Кахетинское вино, и этотъ завтракъ мнѣ такъ напомнилъ, съ какимъ удовольствіемъ, во Флоренціи, въ 1880 году, я съ Дерфельденомъ иногда заходилъ въ маленькія простонородныя остеріи, близъ Старого рынка, и тамъ завтракалъ. Эта прогулка мнѣ всего болѣе понравилась въ Тифлисѣ: такъ это было живописно и своеобразно.

Черезъ часъ по выѣздѣ изъ Тифлиса мы прибыли въ Мцхетъ, древнюю столицу Грузіи; но къ сожалѣнію, такъ какъ мы ѣхали съ бусурманами и торопились еще къ тому-же, то не было никакой возможности посѣтить древній соборъ, построенный въ IV вѣкѣ, и осмотрѣть замѣчательныя древнія фрески и гробницы; въ этомъ соборѣ нѣкогда хранилась и риза Господня, посланная въ даръ царю Михаилу Ѳедоровичу царемъ Иракліемъ и хранящаяся съ тѣхъ поръ въ Успенскомъ соборѣ. Въ окрестностяхъ Мцхета много и другихъ древностей, такъ напримѣръ: монастырь Самтамвро, въ которомъ тоже соборъ IV вѣка и рядомъ обширный могильникъ въ нѣсколько ярусовъ. Могилы нижнихъ ярусовъ принадлежатъ къ началу желѣзнаго вѣка и относятся къ X вѣку до Рождества Христова, а въ верхнихъ находятъ Римскія монеты время Августы и позже. Самые черепа въ нижнихъ ярусахъ гробницъ принадлежатъ *длиннымъ* породамъ (долихоцефаламъ), между тѣмъ какъ черепа верхнихъ ярусовъ — *короткоголовыя* (брахицефалы), т. е. тѣхъ-же народностей, которыя и понынѣ живутъ на Кавказѣ.

Въ Мцхетѣ Шахъ и его свита пересѣли въ приготовленные для нихъ экипажи, и мы поѣхали по Военно-грузинской городѣ. Съ нами взяли ручную поклажу, все же тяжелое я отправилъ во Владикавказъ еще наканунѣ. Сегодня намъ предстояло сдѣлать 80 верстъ до станціи Млетъ, и я опасался, что этотъ длинный переѣздъ утомить Шаха.

Отъ Мцхета до Млета дорога идетъ все въ гору вдоль теченія Арагвы, впадающей въ Куру у Мцхета. Я не буду описывать подробно нашего путешествія по Военно-грузинской дорогѣ, имѣющей 200 верстъ длины. Скажу только, что эта дорога — великое преодолѣніе рукою человѣческой препятствій устроенныхъ природою. Шоссе превосходно,

и на всемъ его протяженіи оно ограждено со стороны обрыва каменной оградой въ аршинъ высоты, такъ что теперь совсѣмъ не ощущаешь того чувства ужаса свалиться при каждомъ поворотѣ или испугѣ лошадей въ пропасть, какъ оно было прежде еще въ 1858 г., когда я въ первый разъ ѣхалъ по Военно-грузинской дорогѣ. Вездѣ прекрасные каменные или желѣзные мосты. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бывають обвалы, устроенъ на дорогѣ родъ тунелей, крышка которыхъ, наклонная, служить естественнымъ продолженіемъ самой горы и покрываетъ дорогу, такъ что камни или снѣгъ, падая съ горъ, катятся по крышѣ въ пропасть. Разумѣется, эта крыша сдѣлана изъ толстыхъ брусевъ, которые въ свою очередь укрѣплены цѣлою системою діагональныхъ брусевъ, какъ мосты, или правильнѣе, какъ была укрѣплена внутренность полярнаго судна „Фрамъ“ противъ давленій наружнаго льда на корабль. Говорять, что зимою здѣсь преспокойно проѣзжаешь этими тунелями, когда крыша ихъ покрыта слоемъ снѣга въ 6 или 7 сажень. Въ мѣстахъ, гдѣ дорога спускается на дно долины, на рѣкахъ устроены частые *шпоры*, т. е. дамбы, отводящая быстрину теченія и предохраняющая путь отъ разрушенія. Тѣмъ не менѣе Военно-грузинская дорога, въ большей части своего протяженія, производитъ подавляющее впечатлѣніе; человекъ такъ малъ и ничтоженъ въ сравненіи съ громадами горъ, съ бездонностью пропастей и ужасомъ обрывовъ, а также со страшными массаами и глыбами камней и земли (слѣды отъ обваловъ); что путникъ ѣдетъ все время съ этимъ тяжелымъ чувствомъ. Для насъ оно еще усиливалось разрушеніями, происшедшими на дняхъ отъ сильныхъ дождей. На дорогѣ лежало много громадныхъ камней, обломковъ скалъ, нанесенныхъ потоками съ горъ; мѣстами вода неслась изъ ущелій, потокомъ, черезъ шоссе, внизъ; мѣстами самое шоссе было разрушено, и приходилось его объѣзжать по на-скоро устроенному пути, для чего вездѣ было согнано множество рабочихъ. При этомъ на Кавказѣ всегда на станціяхъ рассказываютъ о разныхъ несчастіяхъ, случившихся въ томъ или другомъ мѣстѣ нашего пути. Тутъ напримѣръ, вамъ говорятъ, вотъ эта скала называется *Маіорша*; въ 50-хъ годахъ тутъ ѣхала одна маіорша; отъѣхавъ двѣ версты отъ станціи, она замѣтила, что забыла на ней зонтикъ и, остановившись на дорогѣ, послала за зонтикомъ на станцію денщика. Когда же тотъ воротился съ зонтикомъ—маіорши уже не было: она была засыпана происшедшимъ обваломъ. И такихъ исторій бездна. Я конечно не рассказывалъ этихъ исторій Шаху, который и то очень волновался, и при высокихъ подъемахъ и при крутыхъ спускахъ.

Наконецъ уже стемнѣло, и было около 7 часовъ, когда мы были на станцію Млетъ на высотѣ 4000 футъ, и бѣдный Шахъ чув-

ствовавъ себя очень утомленнымъ и просилъ, чтобы завтрашній переѣздъ уменьшить и вмѣсто того, чтобы ночевать во Владикавказѣ, остановиться на ночь на станціи Казбекъ. Хотя всѣ власти противились этому, говоря, что въ Казбекѣ тѣсно и что невозможно устроить тамъ ночлегъ на всю свиту и т. п., но, видя утомленье Шаха, я телеграммой сдѣлалъ въ Казбекѣ приспособленія для ночлега и приказалъ, чтобы такъ и было.

30 Мая. Отъ Млета до Казбека 48 верстъ: мы поднялись съ мѣста въ 8 часовъ утра, при ясной, но довольно холодной погодѣ; до Крестовой горы подъемъ довольно крутой, но дорога на этихъ высотахъ прекрасная, и обваловъ тутъ нѣтъ. Близъ станціи Гудауръ стоитъ каменный крестъ на самомъ гребнѣ горы, на высотѣ 5000 футъ (самое высокое мѣсто Военно-грузинской дороги). Здѣсь отпрягаютъ лишнихъ лошадей и оставляютъ въ каждомъ экипажѣ только двѣ, такъ какъ отсюда до самаго Казбека начинается спускъ. Подошедши на остановкѣ къ каретѣ Шаха, я нашелъ его въ сильномъ смущеніи: сначала онъ не понималъ, зачѣмъ оставляютъ только двѣ лошади запряженными въ его экипажъ, а когда я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, онъ еще болѣе смутился и, боясь, что лошади повесутъ, не хотѣлъ ѣхать, а идти пѣшкомъ, но вѣдь спускъ продолжался на протяженіи 20 верстъ. Я его всячески успокаивалъ и наконецъ уговорилъ его остаться въ каретѣ, подѣ тѣмъ условіемъ, что онъ позволитъ г-ну Кохановскому сѣсть къ нему въ карету, чтобы во 1-хъ, заставить Мамаца приказывать ямщику ѣхать очень тихо, передавать немедленно порусски всѣ желанія Шаха и объяснять Шаху всѣ случайности дороги. Такъ и сдѣлали, Кохановскій все время успокаивалъ, разговаривалъ съ Шахомъ и заставлялъ Мамаца тихо ѣхать, и все обошлось совершенно благополучно, такъ что, когда мы пріѣхали на станцію, и я подошелъ къ каретѣ Шаха его провождать, онъ былъ совершенно веселъ и спокоенъ и сказалъ мнѣ: „Encore Kochanovsky!“ Такъ Кохановскій и доѣхалъ съ Шахомъ въ каретѣ до самаго Казбека, гдѣ мы должны были ночевать.

Мы прибыли въ Казбекъ около 5 часовъ дня; шелъ мелкій дождь, горы затянуло облаками, и видъ мѣстности былъ самый удручающій и унылый. Станція расположена въ ущелии между горами, шириною не больше ширины Невскаго проспекта. Прямо передъ нами былъ Казбекъ (10.000 футъ высоты), но такъ какъ мы были отъ него очень близко, то надо было поднимать высоко голову, чтобы видѣть его вершину, да и онъ скоро совершенно затянулся облаками. Ущелье, въ которомъ мы находились, казалось какъ бы простой трещиной между горами, и это дѣйствовало подавляющимъ образомъ.

Мы помѣстили Шаха очень прилично; всѣ остальные, по двое и по трое, размѣстились и провели остатокъ дня и ночь хорошо. Къ вечеру сдѣлалось такъ холодно, что надо было истопить всѣ печи. Вечеромъ немного прояснило, ущелье и горы были освѣщены Бенгальскими огнями. Это было очень величественно.

На другой день утромъ мы выѣхали со станціи Казбекъ и вполне благополучно проѣхали черезъ Дарьяльское ущелье, которое точно узкій коридоръ между двумя высокими стѣнами горъ, такъ что мѣстами едва виденъ кусочекъ неба. Мы ѣхали все время долиною Терека и были рады, когда наконецъ выѣхали изъ горъ и поѣхали широкой, плодородной равниной до самаго Владикавказа, куда Шахъ и прибылъ въ 2 часа дня.

За одну станцію до Владикавказа онъ пригласилъ меня къ себѣ въ карету, что дѣлалъ всякій разъ, какъ мы вѣзжали въ городъ или мѣсто, гдѣ его ожидаетъ парадная встрѣча, дабы не оказаться въ затруднительномъ положеніи при встрѣчѣ съ войсками, начальствами и привѣтствіями. Дѣйствительно, и въ Владикавказѣ войска уже стояли шпалерами, и у вокзала желѣзной дороги собралось много начальства, и ожидалъ Шаха почетный караулъ.

Въ Владикавказѣ былъ приготовленъ для Шаха царскій поѣздъ, присланный изъ Петербурга, тотъ самый, въ которомъ обыкновенно путешествовала императрица Марія Александровна. Я всегда, съ особеннымъ чувствомъ, вхожу въ этотъ малиноваго цвѣта салонный вагонъ, такъ напоминающій мнѣ столько путешествій съ Ея Величествомъ! Кажется, такъ и видишь въ немъ ея святую, обаятельную особу, и всякое путешествіе въ этомъ вагонѣ теперь—съ Германскими и Бусурманскими владыками—мнѣ кажется профанаціей.

Шаху поѣздъ очень понравился. Онъ прошелъ во всѣ вагоны и съ любопытствомъ ихъ осматривалъ, удивлялся и столовой, и кухнѣ, и вагону съ аппаратомъ электрическаго освѣщенія, и сказалъ мнѣ потомъ: „Comme un palais“! Онъ никогда ничего подобнаго не видалъ.

Изъ Владикавказа Шахъ долженъ былъ слѣдовать по желѣзнымъ дорогамъ на Ростовъ-на-Дону, Харьковъ, Ворожбу, Брестъ, Варшаву и Александрово на границу, а потомъ ѣхать прямо въ Контрксевиль, чтобы начать свое лѣченіе. Въ Харьковѣ предполагалась остановка на два дня; но я опасался, что это долговременное путешествіе будетъ для него слишкомъ утомительнымъ и что въ Харьковѣ Шаху ничего

не будетъ замѣчательнаго, такъ какъ на пути, въ городахъ, онъ никуда не любитъ ѣздить и что либо смотрѣть кромѣ ботаническихъ садовъ и театровъ. Поэтому я ему и предложилъ не останавливаться на два дня въ Харьковѣ, а вмѣсто того останавливаться ежедневно на ночь; на это Шахъ очень охотно согласился, и такимъ образомъ было рѣшено провести первую ночь во Владикавказѣ, вторую въ Славянскѣ, третью въ Ворожбѣ, четвертую въ Житковичахъ и 25-го Мая прибыть въ Варшаву, гдѣ Шахъ намѣревался три дня отдохнуть предъ началомъ своего путешествія по Западной Европѣ.

На другой день, рано утромъ, нашъ поѣздъ тронулся; но Шаху наша скорость, 45 верстъ въ часъ, показалась слишкомъ большою, и онъ сталъ просить меня приказать ѣхать тише. Когда я ему сказалъ, что такимъ образомъ путешествіе его очень затянется и еще болѣе его утомить, то онъ мнѣ отвѣтилъ жалостливо: „*Seulement au commencement: après je m' habituerai!*“ И на первый день я исполнилъ его желанье, и мы дѣйствительно поѣхали гораздо тише. Первую ночь на желѣзной дорогѣ Шахъ спалъ худо; но я узналъ, что онъ спалъ на полу въ вагонѣ, что очевидно такъ тряско, что и заснуть нельзя, и я его теперь уговорилъ устроить себѣ спанье въ салонѣ, *на диванахъ*, такъ какъ въ своемъ спальномъ вагонѣ онъ спать не хотѣлъ, находя его узкимъ. Онъ такъ и сдѣлалъ и съ тѣхъ поръ спалъ прекрасно, и со второго дня мы уже ѣхали обычною скоростью царскихъ поѣздовъ, 45 верстъ въ часъ. Часовъ въ 9 вечера поѣздъ останавливался, его отводили на запасный путь; Шахъ выходилъ со своей свитой погулять, потомъ обѣдалъ и ложился спать. Въ Харьковѣ былъ опять торжественный пріемъ, караулъ, представленія начальства, а потомъ Шахъ просилъ не удалять публику съ платформы, смотрѣлъ на смотрящихъ на него и снималъ съ публики фотографіи. Днемъ онъ все смотрѣлъ въ окна съ большимъ любопытствомъ на проходимую страну.

До Ростова-на-Дону мы ѣхали большими зелеными полями и лугами, виноградными садами; села въ этой мѣстности чистыя, благоустроенныя, и весь этотъ край имѣетъ видъ большого изобилія и довольства. Потомъ мы въѣхали въ Екатеринославскую губернію и Харьковскую, гдѣ я былъ пораженъ множествомъ дѣйствующихъ и строившихся заводовъ и общимъ видомъ изобилія и хозяйственнаго подъема этого края. Какъ будто долго спавшая страна пробудилась отъ сна и зажила усиленною дѣятельностью. И далѣе черезъ Малороссію и Польшу, гдѣ земледѣліе процвѣтаетъ и населеніе не бѣдствуетъ, вездѣ общій видъ благосостоянія и довольства. Если бы отъ Харькова мы пово-

ротили выше, къ Петербургу, то картина была бы увѣ—*рная!* Но тамъ, гдѣ онъ ѣхалъ, Шахъ видѣлъ вполне благоустроенное и богатое государство и притомъ въ весеннее время, когда все такъ жизнерадостно, зелено и свѣжо. Мнѣ кажется, что Шахъ невольно сравнивалъ эту страну со своею Персією, въ которой, не смотря на прекрасный климатъ, плодородную почву и естественныя богатства, страна раззорена и не устроена. народъ въ нищетѣ и угнетеніи, а высшіе классы, участвующіе въ управленіи, такъ испорчены, что конечно въ нихъ никогда Шахъ, если-бъ и хотѣлъ, не найдетъ помощниковъ и сотрудниковъ къ хорошему управленію.

Въ Боркахъ, на мѣстѣ крушенія поѣзда и спасенія покойнаго Государя и царскаго семейства, Шахъ просилъ ѣхать тише, чтобы видѣть построенную церковь и, узнавъ, что одинъ изъ кондукторовъ, съ нами бывшихъ, былъ и при крушеніи, позвалъ его, спрашивалъ про крушеніе и пожаловалъ ему медаль.

Вечеромъ, когда поѣздъ останавливался на ночлетъ, Шахъ ходилъ съ нами погулять по станціонному саду и при этомъ обращалъ вниманіе на всякую породу деревьевъ, цвѣтовъ и растений и входилъ во всякія подробности и распросы съ живою любовью; это очень хорошая и симпатичная въ немъ черта, проявлявшаяся постоянно.

Въ дневные часы, на ходу, онъ часто посылалъ за мною, чтобы съ нимъ разговаривать, предпочитая для переводовъ Кохановскаго, ибо съ своими подданными онъ бы не могъ быть столь откровеннымъ. Онъ говорилъ о своей политикѣ, о его довѣрїи къ Россіи и симпатїи, основанной на этомъ довѣрїи, о своей благодарности Государю за чудный и дружественный его прїемъ въ Россіи, о своемъ желаніи скорѣе видѣть Государя и о своемъ сожалѣніи, что болѣзнь мѣшаетъ ему ѣхать прямо въ Петербургъ. „*Mais Vous voyez dans quel état je suis;—tout me fatigue!*“ Онъ много меня спрашивалъ о Россіи, объ ея управленіи и пр., и я старался ему всячески внушать сочувствіе и уваженіе къ нашему Государю и правительству и, кажется, еще болѣе утвердилъ Шаха въ его довѣрїи и любви къ Государю и Россіи и въ его твердой рѣшимости опираться на ея покровительство и дружбу.

Шахъ поручилъ мнѣ доложить Государю о его чувствахъ и образѣ мыслей по отношенію къ Россіи и прибавилъ: *Si même on dit quelque chose contre moi, sachez, ce n'est pas vrai. Avec les autres puissances, surtout avec l'Angleterre, je suis obligé de biaiser; mais avec l'Empereur ma politique sera toujours invariable: confiance et amitié!*

Въ проѣздъ черезъ Брестъ (лагерное расположеніе подъ Ремберовымъ) вездѣ Шаху воздавали царскія почести; форты палили изъ пушекъ, и населеніе вездѣ привѣтствовало его громкими ура!

Наконецъ, 22 Мая въ 5³/₄ часа дня, Шахъ прїѣхалъ въ Варшаву, гдѣ былъ встрѣченъ княземъ Имеретинскимъ со всевозможнымъ почетомъ.

Въѣздъ въ Варшаву былъ по истинѣ великолѣпенъ. Погода была чудная, и войска стояли шпалерами и при оружіи по всѣмъ улицамъ пути Шаха отъ Праги до Лазенокъ, и по обѣ стороны улицъ, всякій полкъ со своей музыкой. Высокій ростъ полковъ гвардейской дивизіи, прекрасное обмундированіе всѣхъ войскъ и большое число ихъ (25000) производилъ большое впечатлѣніе; городъ чрезвычайно красивый былъ весь увѣшенъ флагами и коврами. Когда мы въѣхали въ Уяздовскія аллеи (по въѣздѣ изъ города), казалось долженъ быть и конецъ войскамъ, но тутъ стояли чудные Уланскій и Гродненскій Гусарскій полки вплоть до воротъ Лазенковскаго дворца. При проѣздѣ Шаха черезъ мостъ на Вислѣ цитадель ему салютовалъ изъ своихъ пушекъ. Шахъ былъ въ восторгѣ и очень благодарилъ князя Имеретинскаго. Лазенки и Лазенковскій дворецъ ему очень понравились; особенно Шаху нравился паркъ. Онъ гулялъ въ немъ пѣшкомъ и катался въ коляскѣ и говорилъ про паркъ: „*C'est comme Téhéran!*“

Шахъ былъ чрезвычайно занятъ парадомъ; прекрасное равненіе войскъ при прохожденіи мимо его восхищало Шаха, и онъ говорилъ: „*Ils marchent comme une tour (un tour)*“. Когда послѣ парада онъ подошелъ къ воздушному шару, то смотрѣлъ на шаръ съ большимъ сомнѣніемъ и когда принцъ Хаимъ Бурбонскій, страстный охотникъ къ полетамъ на шарѣ, собираясь летать, увѣрялъ, что это высшее наслажденіе, то Шахъ засмѣялся и сказалъ, что онъ не хотѣлъ бы этого наслажденія испытать.

Во второй день своего пребыванія въ Варшавѣ, когда Шахъ послѣ завтрака отдохнулъ, онъ пошелъ на терассу передъ дворцомъ, приказалъ принести себѣ кресло и сѣлъ близъ озера; затѣмъ позвалъ своихъ министровъ и слугъ и сталъ посылать ихъ кататься по озеру въ шлюпкахъ, чего большая часть ихъ страшно боялись. Одному отъ страха сдѣлалось дурно, другіе кричали, третьи закрывали себѣ отъ ужаса глаза руками, а Шахъ катался со смѣха и чрезвычайно веселился.

Третій день своего пребыванія въ Лазенкахъ Шахъ никуда не въѣзжалъ, только катался въ Лазенковскомъ паркѣ, а въ 4 часа дня; послѣ отдыха, снимали съ него и свиты фотографіи два приглашенные

фотографа. Одинъ все сердился, что Персы двигались и смѣялись, и онъ безъ всякой церемоніи на всѣхъ кричалъ: „On ne peut pas rire, c'est une affaire serieuse, on ne peut pas plaisanter!“ И Шаха это очень забавляло, и онъ шутя говорилъ: „*fotographe très sévère*“! Сдѣлано было множество фотографій: Шаха одного и со свитой, самой приближенной, и Русско-персидской и одной Русской, и такъ далѣе; Шахъ и всѣ Персы чрезвычайно любятъ снимать съ себя фотографіи.

Вечеромъ третьяго дня былъ спектакль à ciel ouvert, въ открытомъ Лазенковскомъ театрѣ. Это одно изъ самыхъ прелестныхъ зрѣлищъ и самыхъ красивыхъ, и Шахъ наслаждался чрезвычайно; по окончаніи спектакля озеро и дорога во дворецъ были иллюминированы, пускали фейерверкъ, и тѣмъ закончились Варшавскія празднества.

Такимъ образомъ Шахъ былъ въ Варшавѣ три раза въ театрѣ: 1-ый день—парадный спектакль, описанный въ газетахъ, въ парадномъ спектаклѣ давали одно дѣйствіе Евгенія Онѣгина и два дѣйствія балетовъ; во второй день давали, между прочимъ, одно дѣйствіе изъ *Vallo in maschera*, и Батистини игралъ роль короля; у него на шеѣ была зеленая лента съ орденомъ Вазы. Шахъ ему пожаловалъ ту же степень Льва и Солнца, о чемъ я и объявилъ Батистини, сказавъ ему, что ему слѣдуетъ на ту же ленту надѣть другой орденъ, а именно Льва и Солнца, который жалуется ему Шахъ. Батистини былъ въ восторгѣ. Пѣвицѣ г-жѣ Крушельницкой была подарена бирюзовая брошь съ брилліантами, и подобные же, но нѣсколько проще, подарки были сдѣланы двумъ первымъ танцовщицамъ.

Желая, чтобы Шахъ до послѣдняго своего шага пребывания въ Россіи оставался подъ пріятными впечатлѣніями, я выпросилъ у министра двора барона Фредерикса разрѣшеніе дать Шаху, для проѣзда изъ Варшавы въ Александрово, Императорскій поѣздъ, имѣющійся въ Варшавѣ и называемый Наполеоновскимъ, потому что онъ купленъ у императрицы Евгеніи. Поѣздъ этотъ, очень красивый и довольно удобный, очень понравился Шаху, который выразилъ свое удивленіе, что у Русскаго Государя столько своихъ поѣздовъ. Передъ отъѣздомъ онъ очень благодарилъ князя Имеретинскаго, которому еще на другой день своего пріѣзда, передъ парадомъ, пожаловалъ свой портретъ съ брилліантами для ношенія на шеѣ. Мы благополучно прибыли въ Александрово въ 2 часа дня.

Но здѣсь Шаха ожидало разочарованіе, при первомъ своемъ шагѣ за Русскую границу. Нѣмецкій поѣздъ, приготовленный для него Персидскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, былъ прескверный. Вагоны для

свиты всё грязные и даже не обтертые отъ пыли, покрывающей обыкновенно пассажирскіе поѣзда, и самый вагонъ Шаха былъ какой-то старый директорскій вагонъ. Шахъ, уже привыкшій къ великолѣпію Русскихъ царскихъ вагоновъ, очутился въ небольшомъ купѣ сомнительной чистоты и очень ненарядномъ. Шахъ обидѣлся и разсердился на своего посланника, который тщетно старался объяснить, что въ Германіи императоръ своего поѣзда никому не даетъ и что у него всего одинъ поѣздъ. Но Шахъ говорилъ, что, значить, его посланникъ въ Берлинѣ не имѣетъ никакого вѣса и что онъ не умѣлъ вселить къ себѣ уваженія, если онъ своему государю не могъ устроить приличнаго поѣзда. Мнѣ было жалко Шаха; но чѣмъ хуже были его впечатлѣнія отъ приѣма его за границей, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ все великолѣпіе приѣма въ Россіи и тѣмъ болѣе будетъ цѣнить все вниманіе, скажу поистинѣ, *сердечное*, всё попеченія, которыми онъ былъ окруженъ въ Россіи по волѣ нашего Государя.

Во время дороги до Александрова и при отъѣздѣ Шахъ въ почувствованныхъ выраженіяхъ поручалъ мнѣ представить его благодаренія Государю, вспоминалъ многіе эпизоды своего путешествія, въ которыхъ забота Государя о немъ его особенно трогала, и меня благодарилъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, говоря, что ему безъ меня будетъ скучно и что онъ съ нетерпѣніемъ будетъ ждать свиданія со мною и своего возвращенія въ Россію на пути въ Петербургъ, чтобы лично благодарить Императора и что онъ будетъ очень радъ со мною опять ѣхать и быть. Предъ отъѣздомъ онъ подарилъ мнѣ два кольца съ брилліантами, одно мнѣ, а другое для моей жены, сказавъ, отдавая мнѣ для нея кольцо: „*Donnez votre femme!*“

Когда весь багажъ Шаха былъ перенесенъ въ поѣздъ, и всѣ были усажены по мѣстамъ, я доложилъ Шаху, что все готово, и онъ еще разъ меня горячо благодарилъ. Поѣздъ тронулся, почетный караулъ отдалъ честь, и при звукахъ Персидскаго гимна и „ура“ многочисленной публики, поѣздъ Шаха вышелъ изъ Россійскихъ предѣловъ.

Мнѣ потомъ рассказывали, что неудовольствіе Шаха на Германскія желѣзныя дороги не только продолжалось, но все росло. Онъ нашель, что вагоны ужасно тряски, что ихъ страшно качаетъ, и ему сдѣлалось даже дурно. Онъ сталъ кричать: *Où est amiral!.. arrêtez!* и т. п.; къ счастью, бывший при немъ Кохановскій (мнѣ удалось устроить такъ, что Шахъ пригласилъ его сопровождать его въ Контрксевиль) немного успокоилъ Шаха и уговорилъ инженера поѣзда ѣхать тише. Но все-таки Шахъ объявилъ, что онъ никогда больше не поѣдетъ въ Нѣмец-

кихъ вагонахъ. И дѣйствительно, свое вторичное путешествіе до Русской границы, послѣ леченія въ Контрксевилѣ, Шахъ совершилъ во Французскихъ вагонахъ.

Я былъ очень счастливъ, что Господь сподобилъ меня совершить благополучно наше дальнее и продолжительное странствованіе и что мнѣ удалось исполнить удачно и вѣрно порученіе, возложенное на меня Государемъ, и при томъ вполнѣ согласно съ тѣмъ *характеромъ*, который Его Величество хотѣлъ дать этому проѣзду Шаха по Россіи.

Долженъ сказать, что Шахъ очень добрый человѣкъ, хотя не очень образованный, но разумный и здравомыслящій и вполнѣ благонамѣренный и разсудительный. Хотя онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что „L'État c'est moi“! и убѣжденъ, что его воля законъ для всѣхъ его подданныхъ, но онъ желаетъ блага своему народу и очень добръ ко всѣмъ окружающимъ его и даже *очень кротокъ*, что драгоцѣнно въ Восточномъ монархѣ. Въ одномъ изъ своихъ разговоровъ со мной онъ сказалъ: „Я никого не казнилъ, кромѣ убійцы своего отца“ et encore seulement par *politesse*. Вѣроятно онъ подразумѣвалъ подъ этимъ, т. е. „изъ *политики*“ уваженіе къ памяти отца.

Шаху тяжело видѣть кругомъ себя недовольныя лица, а онъ постоянно очень добръ и деликатенъ со своими министрами и даже слугами. Вообще онъ возбуждаетъ къ себѣ большое сочувствіе, и окружающіе его очень его любятъ. Жаль, что его слабое здоровье, слишкомъ большая доброта и нѣкоторая слабость характера лишаютъ его возможности быть дѣйствительно полезнымъ своему народу.

Но для Россіи онъ *очень удобный соседъ* и расположенъ къ ней чрезвычайно дружелюбно; увѣренный въ могущество Россіи и въ томъ, что она всегда, если захочетъ, можетъ нанести Персіи страшный вредъ отнятіемъ ея сѣверныхъ провинцій, Шахъ въ тоже время вполнѣ убѣжденъ въ дружелюбіи нашего Государя къ Персіи и въ отсутствіи у Русскаго правительства всякихъ завоевательныхъ замысловъ.

Надо полагать, что пріемъ, теперь сдѣланный Шаху въ Россіи, еще болѣе укрѣпитъ въ немъ это довѣріе къ Россіи, а личное свиданіе съ нашимъ Государемъ, которое должно произойти въ Іюль мѣсяцѣ, еще укрѣпитъ въ Шахѣ его приверженность къ Россіи и любовь къ ея Монарху.

